

С М Е Н А

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

Строительный сезон начинается

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ

ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

1. В 1928 году подписная плата на журнал «СМЕНА» значительно снижена (на 50% при месячной подписке) с целью пойти навстречу массовому читателю. Это мероприятие уже дало результат: в первые три месяца тираж «СМЕНИ» значительно возрос. Однако, снижение цены на 50% не могло быть проведено без некоторого ухудшения внешности журнала (обложка в одну краску на цветной бумаге, меньший формат, шрифтовые иллюстрации и др.). Все же во внешности и размере журнала «СМЕНА» не уступает другим распространяемым журналам, как, например, «ОГОНЕК» (при одинаковой цене). Вские улучшения по внешности и объему «СМЕНИ» могут теперь произойти лишь при увеличении тиража, чему должны помочь все читатели.

2. В содержании «СМЕНИ» в 1928 году произошли некоторые изменения: прежде всего, больше внимания уделяется приключениям и путешествиям. Напечатаны приключенческий роман (№№ 1—7), печатались переводные рассказы Де Рида, Э. Маршалля. Основным недостатком литературно-художественного отдела является отсутствие рассказов из жизни и быта молодежи. Причина этого заключается в том, что у нас очень мало писателей-молодежи. В одном из писем в редакцию один из читателей «СМЕНИ» категорически высказывается за помещение бытового, а не приключенческого материала. Редакция считает, что нельзя решать этот вопрос или — или, а: и то, и другое «СМЕНА» в журнале будут регулярно печатать стихи и будут приносить в литературно-художественном отделе темо молодежи.

3. Одним из самых главных пробов в №№ 1—7 редакция считает недостаточное освещение непосредственно жизни и быта молодежи и работы комсомола. В этом отношении редакция целиком согласна с читателями, прислав-

шими предложения об увеличении места для бытового материала, и приняла к этому меры с № 8.

Одновременно редакция обращает внимание всех читателей «СМЕНИ» на то, что освещение жизни и быта молодежи и работы комсомола в журнале «СМЕНА» может быть усилено активным содействием читателей при сдаче о материале, широким участием в обсуждении выдвигаемых вопросов, постановкой перед редакцией фото-корреспонденций с мест и т. д.

Жизни молодежи за границей, работе комсомола на Западе и Востоке в журнале будет уделено также больше места.

4. В научноом отделе редакция продолжает помещать такие статьи, как «Черная кровь» (о нефти) в № 6, знакомя читателя с тем или другим основным производственными и естественными богатствами СССР, с капитальным строительством СССР, помещать регулярно страничку «В мире науки и техники», знакомя читателей с новейшими открытиями и изобретениями в области науки и техники.

5. С 1928 года в журнале введен ряд новых отделов: «Молодежь в кино», «Комсомол в фото», «Задачи и игры», регулярно (из номера в номер) печатается отдел «Шахматы» и с № 7 регулярно будут печататься «Шахи». Поступающие в редакцию письма показывают, что читатели одобряют введение этих отделов.

Одновременно редакция вновь обращается к читателям с призывом сообщать ей о всех своих предложениях по улучшению содержания журнала (конкретные темы статей и очерков, новые отделы и т. д.). Все предложения будут печататься в «Странице читателя».

Редакция журнала «СМЕНА»

НАШЕ МНЕНИЕ

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДОСУГ

Без всякого сомнения, журнал «СМЕНА» — хороший помощник в работе и «хороший друг». Кроме того, что журнал пополняет твой «вещный багаж», заостряет внимание на волнующих в прозах, он помогает провести досуг; учит, как жить, как учиться и т. д. Достаточно упомянуть о письмах Горького, помещенных в журнале, о рас-

сказах «Бочка», «Отец», затрагивающих чисто бытовые вопросы, о большом количестве очерков, весьма полезных, рисующих быт, нравы народов, знакомящих нас с нашей страной, с достижениями науки и техники и т. д. Очерки «Люди Приамурья», «Пешком по средней Азии», «Великая невольничья дорога» и др. — это истинная находка для нас. И, наконец, то, что знакомит нас с литературными образцами, как-то: «Мак-

американец», «Слон помнит» и др., то, что помогает проводить досуг (шахматы, шашки, игры, ребусы) — опять — таки плюс для журнала. Конечно, всего не перечислишь. Мы имеем факты, что комсомольцы уходят на вечерки — «капустники», уходят в клубы дото, в биллардные из-за того, что не знают, как провести свой досуг. Сказавало журналу остановиться на вопросах: как провести вечер самостоятельно, рекомендовать игры, песни и т. д., следовало организовать переключку — обмен опытом.

Надо также оставить освещение вопросов быта комсомола. Разве мало мещанских черточек, хулиганских выходов, закоренных привычек в быту у комсомольца, вопросы взаимоотношения полов, семья, одиночество среди некоторой части комсомола, бегущина и др.

Почему в журнале нет отдела критики? Громадная часть молодняка пробует свои силы на литературном поприще, а тут могут прийти на помощь критические статьи.

Не худо было бы помещать статьи политического характера.

Р. Белоусов

ДЕБТЫ НА ПОДПИСКУ

С февраля месяца получаю журнал «СМЕНА». Журнал этот интересен, но картины Дейнеке и Бряса бледны. Молодежь все любит «СМЕНУ». Я всячески стараюсь добыть деньги, чтобы снова подписаться на «СМЕНУ».

А. Мачук

ЗА БЫТ МОЛОДЕЖИ

«СМЕНА» нам нравится. «СМЕНА» для нас доступна и нас удовлетворяет. Такова общая оценка. Отдел «Жизнь и быт молодежи» дает слишком мало материала. Надо бы больше места отделу «Комсомол в фото».

Отдел о кино надо расширить, материал его хотелось бы использовать при обсуждении на явках тех или иных картин. Хорошо печатать такие бытовые рассказы, по которым можно было бы вести обсуждение.

«Задачи и игры» — отдел «не вредный», интересен. Внешность хороша, техническая сторона вполне удовлетворяет. Стихов мало.

М. Гадин (г. Смоленск)

ЖУРНАЛ НАШЕЛ СВОЕГО ЧИТАТЕЛЯ

С первого же раза, как только я увидел журнал, мое внимание к нему приковалось, и сейчас я остался с убеждением, что читатели под руководством «СМЕНИ» кладут не один, а несколько кирпичей в наше культурное строительство, в переустройство нашего быта.

Я с нетерпением жду очередного номера, я всегда надеюсь найти в журнале то, что я хочу, что-нибудь новое, и надежда меня никогда не обманывает, я с радостью констатирую, что редакция чем дальше, тем больше идет на мой шаг, все больше и больше удовлетворяет читателя; стоит только раз прочитать «СМЕНУ» и всегда уже будешь постоянным читателем.

Я наблюдаю: читают ли его, интересуются ли им, нашел ли журнал своего читателя? Ответ остается в пользу журнала. Журнал читает парасхват, наравне с лучшими журналами, как «Огонек», «Красная Нива» и т. д., а то может быть и лучше. Что нужно читателям «СМЕНИ», что их особенно интересует, — это вопросы быта.

Мы начали строить новую культуру, нужно руководить этим строительством при помощи «СМЕНИ».

Надо печатать статьи на эти темы, вопросы читателей, ответы на них, письма, статьи из быта молодежи.

Печатать статьи о театре, музыке, фото-хронике. Печатать статьи о науке и технике, вообще в о радио в частности.

До этого времени статьи подбиралось очень хорошие.

З. Бродский (УССР)

ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ СТОРОНЫ

... Хорошие стороны журнала: журнал прост по своему содержанию, понятен его язык для малообразованных читателей, много дают фотографии о военной технике. Молодежь в кино — это хорошо. Журнал по объему хорош. Шахматы и задачи — это все хорошо.

Плохие стороны журнала: плохие иллюстрации к рассказам, и мало их. Нужно больше давать художественных рассказов в журнале, а также и стихов. Нужно завести страничку юмора, чтобы наш литературный молодежь научился писать.

Нужно дать молодежи на страницах «СМЕНИ» новые частушки для молодежи.

Аладин (Нижегородск. г.)

ДВУХ НЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

СМЕНА

ЦЕНТРАЛЬНОГО
И МОСОВСКОГО
НОМИТЕТОВ ВЛКСМ

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ.—ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ.—ЖИЗНЬ И БЫТ МОЛОДЕЖИ.—НАУНА И ТЕХНИНА.—
КИНО И ТЕАТР.—ФИЗКУЛЬТУРА.—ШАХМАТЫ, ШАШКИ, ЗАДАЧИ

Редакция и контора: Москва, Новая пл., 6/9, тел. 1-61-01.

Подписная плата: 1 год—1 р. 80 к.; 6 мес.—95 к.; 3 мес.—50 к.; 1 мес.—18 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

№ 8

★ ★ ★

А П Р Е Л ь

★ ★ ★

1928

ПУТЬ МАКСИМА ГОРЬКОГО

(ОТ НАРАСИЛЬЩИНА МАЛЯРНОГО ЦЕХА ДО ВСЕМИРНОГО ПИСАТЕЛЯ-ХУДОЖНИНА)

Статья В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧА

Шестьдесят лет жизни и тридцать пять лет литературной и общественной деятельности М. Горького — большое, торжественное и радостное событие всемирного значения. Это — юбилей не только гениального буревестника движения и победы класса трудящихся, каким является М. Горький, но и пролетарского творчества и культуры вообще. И особенно значителен он для молодежи СССР, участвующей в строительстве, не имеющей себе в истории примеров, и самоотверженно борющейся за культурную революцию. В такой обстановке имя М. Горького — горячий привет несменяемому учителю молодежи и от лица читателей „Смены“ присоединяется к тому общему желанию увидеть его у нас, которое прокатилось по всему СССР.

МИЛЛИОННЫЕ массы трудящихся русского народа тайни и таят в себе громадное количество скрытых и никому неизвестных сил, которые с большим трудом, в былые времена, пробивались через толщу всевозможных запретов, унижений и антикультурной ненависти враждебных классов. Сколько таких представителей народной среды, выбивавшихся невероятными усилиями, не дошли до своего расцвета, погибли в неравной борьбе с самодержавно-поповским строем — на каторге, в ссылке за революцию и в одиночной борьбе за научно-художественное творчество, против и от алкоголя и от болезней и от разлагающей влиняющей среды, затянувшейся, как трясина. Какое было дело помещичье-поповскому строю до этих даровитых пасынков жизни, когда все, что только стремилось к свету, все, что чувствовало на несправедливость царящего тогда государственного строя, все, что боролось за новое социальное бытие, — объявлялось «врагами отечества» и уничтожалось самым решительным образом?

Почти исключенным в этом огромном ряду обреченных на гибель талантов является А. М. Пешков, ролившийся 14 марта 1869 г. в бедняцкой семье обыкновенного рабочего красильщика. Этот мальчик, зачисленный отцом в маляры красильного цеха, что было уже с песенкой определенно ему его будущее, вдруг, неожиданно для всех, начал проявлять себя не тем, чем он должен был бы быть для той жизненной карьеры, о которой заботился его пролетарий-отец. Еще в детских годах Алексей Максимович теряет отца и мать. Круглая сирота принятая дедом, от которого мы

нако здесь он долго не уживается, бегит из магазина, попадает к какому-то театру, у которого также жизнь ему показывалась не по нраву. Он снова бежит и с этих пор начинает скитаться по различным должностям, хватаясь за все, лишь бы как-нибудь добыть себе кусок хлеба. Кем только он ни был! То видим мы его в конюшной мастерской, то поваренком на пароходе, то садовником. Так проходит время до пятнадцати лет. За эти годы он уже много прочитал, много узнал, приобрел кое-каких знакомых, и его еще идеологическое захватывает жажда образования. Он начинает серьезно готовиться к поступлению в учебное заведение, куда, однако, поступить ему не удалось, и он опять бросается в работу. Судьба заставила его быть булочником, разносчиком кваса, служить в различных торговых предприятиях; и наконец, жизнь выбрасывает его на пристань в компанию боссков, грузчиков, людей тяжелого беспросветного труда. Он работает здесь до изнеможения сил, стараясь не отставать от своих более взрослых и более сильных товарищей. Вот тут-то он впервые вплотную наблюдает тот мир, из которого в его прозвездениях мы впоследствии видим так много героев.

Эта тяжелая жизнь, конечно, не могла удовлетворить душевные запросы юноши Пешкова, и он напрямую продолжает тянуться к культуре.

В Нижнем-Новгороде он знакомится с присяжним поверенным Ланиным, к которому он поступает письюводителем, переносится в сказочный мир. На 3-м году поступает в обувной магазин; од- ние. Он входит к кружок молодежи, ва-

чинив писать стихи, поражая всех своей страстностью и остротой мысли в спорах. А его прошлое, связанное с самыми глубокими низами, привлекает к нему еще большее внимание молодежи, стремящейся в то время к себе даже прямого и ясного отчета, в чем это счастье, где оно и как его найти! Но и здесь Алексея Максимовича постигает столько разочарования, что он в припадке отчаяния решает покончить с собой самоубийством. Доставленный в больницу почти в безнадеечном состоянии, он справляется своими молодыми силами с громадной потерей крови и постепенно выздоравливает, входя, однако, в дальнейшую жизнь с сильно пониженным здоровьем.

В это же время в нем пробуждается неудержимое влечение к художественному творчеству, и он начинает писать рассказы. Один из них («Макар Чудра») в 1892 г. он помещает в газете «Кавказ». Презжая из города в город, он всегда попадает к литературной среде, к журналам и газетам. Весьма благотворное влияние на него оказывает его знакомство с В. Г. Короленко, который в 1893 г. жил в Нижнем-Новгороде. С трудницей пока только в Поволжье писателя, Горький, наконец, решает послать свой рассказ в Петербург, где в «Русском Богатстве» появляется его знаменитый «Челкаш», который сразу выносит молодого писателя в передовые ряды литераторов, привлекая к нему всеобщее внимание. За «Челкашем» появляются на свет «Малыш», «Коновалов», «Дело с застезками» и другие прекрасные рассказы из жизни угнетенных и поверженных в прах представителей рабочего класса и вообще всех тех, кого мы привыкли называть чирванцами, люмпен-пролетарями, бродягами. В этих людях, выброшенных социальными отношениями из семьи трудящихся, Горький нашел перлы человеческой чистоты, благородства и страсти.

Почему же молодежь и все, кто близки к революции, стали зачитываться рассказами Горького? Не потому ли, что все чувствовалось в этих упавших и поверженных людях Горьковских рассказов —

родных братьев тем, кто стоит у фабричных станков, у горнов и кузнечных заводов. Все понимали, что если сегодня герои на Хитровом рынке, то завтра, воспрянув и бросив свои пагузные привычки, они смогут стать на те же фабрики и заводы. И, наоборот: рабочий сегодняшнего дня, завтра выгнанный буржуазией на улицу, роковым образом будет обречен на голодное существование и падение все ниже и ниже, на самое дно жизни, где его ждут все пороки, все соблазны и все ужасы, которые превращают человеческую жизнь в подлинное ничтожество.

Бороться за то, чтобы были уничтожены эти цепи, чтобы было перестроено само общество, которое порождает элементы люмпен-пролетариата, бороться за новую жизнь, — вот тот, то туманный, то более ясный, но животрепещущий идеал, который дышали на читателя произведения Горького.

Когда же Горький в появившихся следом его драмах «Мещане» и «Варвары» затронул отгараженные стороны цивилизации и медицинские стороны стали читателями Горьковского дарования стали смущены и лицемерно говорить о его туманности и даже, так недавно вспыхнувшей не только над нашей страной, но и зардевшейся над всем миром. Они уже не прочь были уронить его вновь в ту грязь жизни, из которой вышел этот гигант и самородок народной мысли, потому что они почувствовали в нем своего классового врага. Но вот в люди, кого «На дне» снова заставили и не пушуть» околодомов, и уже со сцены художественного, Малого и других театров они заставили то же общество трепетно переживать их радости и несчастья и потребовали к себе внимания. И общество стало жить, чувствуя, что Горький быт его так, как не бил ни один сатирик, ни один писатель предыдущих поколений. Если там — в произведениях догорьковской литературы — оставаясь в своем семейном кругу, то здесь — перед лицом новых героев — здесь — перед лицом новых героев — представители полумертвых, отходящих

поколений и классов стал охватывать страх за свое будущее.

И когда, наконец, Горький, томясь в Петропавловской крепости, пропел великую и смелую лесью «Буревестнике» и перешел к работе над огромной эпопеей из жизни революционного пролетариата, когда он всю эту жизнь воплел в одном слове «Мать», то снова пробуржало рождающегося нового истителя за угнетенные поколения, то снова стали совмещаться в таланте Горького.

Но чем больше старались снизить Горького до обыкновенного затронутого писателя, тем сильнее росла его слава среди народных масс, среди пролетариата, среди революционных боевых партий, а партия социал-демократов большевиков приняла его в свои члены. Это уже был тот решительный перелом, после которого творчество Горького всецело сосредоточено на том, что нужно непосредственно массам. Буржуазная критика хорит Горького, как писателя, больше не удовлетворяющего ее эстетических требований.

Мимолетно прошли годы вынужденного пребывания Горького на Капри. Буржуазная пресса всего мира, конечно, не могла пройти молчаньем написанных Алексеем Максимовичем за это время таких замечательных произведений, как «Лето», «Детство», «Жизнь ненужного человека», «Город Оккупов», «Андрей Кожимкин», которые привлекали к себе всеобщее внимание самых широких читательских масс. И слава Горького, вознесшая его в 900-х годах на гребень внимания узкого круга людей, не только не потускнела, как бы хотели этого буржуазные критики, но в первой четверти двадцатого столетия она сделалась действительно всемирной и асепародной. Из класса разлагающейся культуры, из класса богатых и обеспеченных его книжки перекопачивали и произведений в сотнях тысяч экземплярах рсходятся на всех языках всех стран. Нужно ли говорить, что у нас в СССР, нет, пожалуй, ни одного другого писателя, который был бы более популярен среди рабочих масс, чем М. Горький.

ЭПИТАФИЯ НА ДВОИХ

Стихотворение МИХ. ГОЛОДНОГО

Часто мы, товарищ,
Спорили в дороге.
Что же дружбу снова
На любовь помножим!
Ты живешь боями,
Я живу — тревогой,
А они, как братья,
На меня похожи.
Не одной любовью,
Была я занят очень.
Вздумаю, ради шутки,
Буду дипломатом.
Но друзья сказали:
— Ты спиною прочен,
Отдашь иемного.
Приезжай горбатым.
Улыбнувшись тихо,
Я сказал на это:
— Видно в этом деле
Круглый я несежда.
Горб нести, как знамя,

Не к лицу поэту.
Разверните слова
Голодаты, как прежде.
И хожу я снова,
И брожу Московю,
Путаю кварталы,
Яростно зевая.
Москвичи, как будто,
Недовольны мною.
Здания толпятся,
Сердятся трамван.
Все, что помнил раньше,
Будто незнаюмо.
Этого не введет.
То вот не замстит.
А пройду Покровку,
Я подумал дома:
«Двести лет с Савельюми
Мы живем на свете».
Молния кривая
Нас в пути встречала,
Громы нам басила:

— Милые, почтеней!
И не раз случалось,
И не раз бывало,
Пилю чай мы в среду,
Ели — в воскресенье.
Не был я Колумбом,
Ты не знал Америк,
Не был ты в Париже,
Не выдал я моря.
Есть на Украине
Славный, тихий берег,
Там мы породнились,
Там заели с горы.
Жить нам, видно, вечно
Под одним крышей.
А умрем — нам Ясный
Выроет могилу.
Столь вобьет большущий,
На доске напишет:
«Здесь Савельов с Голодным,
Оба — Михайла».

Рассказ Р. ПРАГЕРА. Иллюстрации А. ДЕЙНЕ

На небольшом, казалось бы, примере Р. Прагер ставит большой и интересный вопрос. Можем ли мы относиться к нашему государству так же, как это было до революции, когда власть и богатства были в руках прерогативных классов? Как должно измениться понятие своего и чужого, когда мы сами, как класс трудящихся, управляем своей страной? Рассказывая Прагером историю о восьми копейках—лишь одна из множества подобных ей, в которых испытывается и или побеждает или уступает старому новому чувству хозяйского отношения не только к своим, личным, но и вещам общественного обихода и достоинства.

ТРАМВАЙ не показывался. Синеватые оглобли резко уходили в даль, холодно полескивая отполированную сталью. Иные номера, грохотно прорезая ступки: трах-тах-та, трах-тах-та, позванивали насмешливо, отягощенные пассажирами, как беременные двойнями бабы, а вот «а-шак», нужная до зарезу, гибла где-то там — в неизвестностях. Стрелка круглых электрических часов упруго отщелкнулась сначала на пять, потом на десять минут: вагона все еще не было видно.

Всегда есть в приходе трамвая что-то утешающее обидное. Уйти или нет? Подождать еще, что ли, три минуты? Уйдешь — он тут как тут и а р о ч н о, появится?! Где-то, быть может, крушение, а ты дурак дураком все будешь дожидаться?!

Чающие трамвая не уместались уже на островке безопасности; они скопились на мостовой, мешая движению и сжимаясь подвергая себя раздраженно-силовым окликам автомобилей. Впереди всех находилась коротенькая женщина; она все приподымалась на цыпочки и вытягивала шею вперед: не идет ли? Стоявший рядом с нею старик в сучесвом пиджаке раздраженно теревил седой, богатый уже, было совершенно очевидно: травной опадывает в пику ему. Старик принимал это, как личную обиду.

Комсомольцу Доронино стало скучно. Хоть он и старался всем своим видом доказать сугубое равнодушие к поведению трамвая, однако и он порой: нет, нет, да и взглядывал вдоль по линии. И неожиданно обнаруживавший свое нетерпение, первым заметил медленную ползущий в гору трамвай.

Сначала показался краешек визитной карточки «А», затем полупрозрачное стекло передней площадки, наконец — и все пузатенькое «а-аш-кино» телье.

Трамвай приблизился, кряхтя, как подвизник. Какая-то владца была в нем: он шел с присвистом, точно прищепывая на-ходу; в межколесном брюхе его что-то урчало большим металлическим скрежетом.

Вагон был до отказа набит пассажирами предыдущих остановок; его, казалось, распирало в ширину всходящим тестом

тел. Доронино вскопал еще на-ходу, плечом энергично подирая передних. До следующей остановки ему пришлось висеть на ступеньке. Он, впрочем, любил стремительный бег трамвая, быстрый и сильный ток воздуха в лицо, скольжение — до рыва в глазах — полотна мостовой. Вскоре новая толпа, ринувшись со всей силой нетерпеливого раздражения, скопившегося в ней, улокла Доронино вокруг — мимо кондуктора, к середине вагона. Трамвай шел под гору, просто раскачиваясь из стороны в сторону, точно порывався разнести тесную колею рельс; пассажиров то-и-дело охакивая кидало друг на друга.

Доронино стало жарко, он отер со лба и шеи щекоющие струйки пота. Вытащив кофелек, он достал восемь копеек и протянул их кондуктору. Доронино, однако, оттеснили; вагон на повороте так накренило, что рукой с закатами в ладонь деньгами пришлось ухватиться за верхний поручень. Спустя несколько минут Доронино вторично попытался дотянуться, но его подхлкнуло еще вперед по проходу. Рядом у окна освободилось место; Доронино сел.

Мимо, почти захлестывая стекло листьями деревьев, проносились узорным кольцом пыльнозеленые бульвары.

Неожиданная мысль, тоненькая, как прикоснувшаяся и быстро отдернутая иглока, ужалила Доронино. Он чуть покраснел и, смутившись, порывисто надвинул кепку ниже на лоб. Ему вдруг показалось, что пассажиры догадываются о его намерении. Щетинясь подозрением, он

быстро и колочие обвел глазами соседней. Но от сидящего напротив толстак бубличка, запачканного мукой и слезка поспавшего, веяло такой розовой сладобностью и изюмным миром, что Доронино успокоился.

«Я не виноват! Не доберешься в твоей тесноте!» — оправдал он себя, хотя мысль о том, что можно по рукам пассажиров передать деньги кондуктору, смутно и неохотно недалеко уже; до кауба Доронино оставалось всего два пролета. Все неприятное, однако, становилось сидеть с теми же соседями, да и платить теперь было уже совершенно невозможно; — все точас догадуются, что хотел проехать зайцем!»

Все еще колеблясь, Доронино смущенно заерая на сиденья; вдруг решившись, он поднялся к выходу. Неловкость и тревога перед возможным появлением контролера торопили его, он грубо толкнув какого-то грузного человека.

Тот огрызнулся:

— Не толкайтесь!
— Я вас не трогаю, чего вы азете! — злобно ответил Доронино. Он полубессознательно обрадовался столкновению, заглушившему тревогу, и отчасти поэтому ответ был более резок и вызывающ, чем можно было ожидать; отчасти же потому, что человек этот, как на газав определил Доронино, был безусловно излов.

— Вежливее надо быть, молодой человек! Толкается и еще грубиянствует! — возновался тот, размахивая рукой с зажатым меж пальцев билетом.

— Вас по носу видать, что за птица! — отрезал Доронино, провозгласившись посмотрев своему противнику в глаза; тот осекся, разом улокнул и лишь метнув в лицо Доронино суженными от подавленного гнева зрачками. Доронино счел себя правым, хотя ощутил, как значительная часть пассажиров неодобрительно отнеслась к его выпадку.

Вагон, туго сдерживая свой разбег и шипя тормозом, как рассерженный гусь, останавливался. Не дожидаясь одного пролета до мужней остановки, Доронино вышел. Понимая, что в кармане семь неуплаченных копеек, все еще стиснутых в кулаке, он опустил в карман; они

... первым заметил ползущий в гору трамвай

зникнул. Доронин было прислушался к меду и к звуку, однако тотчас возмущенно еще переживание стычки с изумлением отдало его вниманию.

Изданы уже виделся клуб. Плакаты у входа конструктивно пестрили стрелками, кружками, разноцветностью, подчеркиваниями линиями. Доронина обрадовала геометрическая простота и ясность плакатов, тем более, что он и сам участвовал в работе над ними; стало веселее и спокойнее на душе.

Доронина быстро подхватила молодая клубная суета. Он сыграл несколько партий в шашки, успев захватить две части американского слогсшибательного фильма и, под конец, изловив вторым ударом разбитый пив-понговский мячик. Перед самым уходом приятель, затаскивая его в буфет, заставлял его расписать с ними по паре буталок Трехгорного.

Доронин, собственно, недолюбливал горькую антирность пива, он притрагивал к нему редко, да и то только после настоячивых товарищеских уговоров. От выпитых кружек у него слегка кружилась голова, так, как это бывает после карусели, когда слезаешь на качущуюся несколько шаткой землю. В исходе первого уже часа ночи он отправился домой.

Обрывки мыслей, бессвязная жеманная и настроений толились в голове Доронина. «...Не туда б ему двинуть шашку... влево! завтра была бы Сенькина дамка... э-э, сплюхвал! Задала! — трики! — авто да на подводящую лодку, с крыльями авроплана... надоело. Вот Танька — это да... на виске у нее тень, легкая такая, как... как прохлада... и...»

И странно: под всем напыльем разнородных мыслей нечто подспудное и далекое смутно тяготило Доронина. Порой ему казалось, что он хочет змять какое-то воспоминание, но о чем именно, никак не выяснить; точно нечто, неясное самому, скребло исподтишка; нет, что-то... недавно, не так, не так!

Уже гасли фонари. Потемневший и сумрачный город засыпал, суетавато раскинув обездоледившую сеть улиц и переулков. С Красной, гулко и токсиково наывая в ночной тишине, донесся единственный удар кремлевских часов.

Проходя мимо освещенным переулком, Доронин слабо осязавшимся споткнулся и едва не упал. Холодным лезвием скользя по всему телу ощущение угрожающего падения. Удерживая равновесие, Доронин услышал, как в кариате слабо выжидая те самые деньги: пятак о трехкопеечник. Звук был почти неслышим и тоненький, будто серебряный. Что-то жалобное было в нем.

Нестерпимый стыд вдруг ожог Доронина. Легкий хмель от непривычных буталок мигом улетучился, он сразу совершенно протрезвел.

«Так, вор!.. Как это могло... случиться?! Комсомолец и — у своей страны?! Вор!»

Доронин припомнил все — и как мысль о поступке впервые ужалила его, и как он живо оправдывал себя и как, трусливо опасаясь контролера, он соскочил, не дожидая одного пролета. И чем больше он припоминал, тем сильнее охватывало

— До свидания! — негромко и легко сказала Дорониным кондукторше

тягостное и мучительное раскаяние. Он неожиданно вспомнил к тому же, как изъясил, которого он грубо толкнул, размахивая перед ним рукой с зажатым меж пальцев билетом.

«Да, да, и здесь неверно вел себя! Не так с ними... на деле надо!». Схулиганял ни к чему!.. Тяжелый стыд все плотнее завладевал Дорониным.

К октавине на углу переулка подошел один из последних вагонов; он врезался

в опустевшую тёмноту ночи чеканными перестуками моторного вагона, повторяя — чуть-чуть потоньше — прищелчком. С собою привнес он что-то тугое и резкое — размашистую силу хода, настойчивую и жужжащую дробь звонка, блестящую полосу электрического света. Доронина как будто что-то подтолкнуло. Он весь истряхнулся, точно сбрасывая с плеч овладевшую унылою растерянностью. Рванувшись с места и разогнавшись, он успел вскочить на прицеп уже отходящего трамвая.

Вагон шел почти порожним. Кондукторша, издерганная за день работы, уставая думать — последний рейс, а там — спать, спать, — подошла к нему.

Несмотря на свою решимость Доронин смутился: неожиданное затруднение возникло перед ним.

— Д-дайте мне... — он слегка запнулся, — два билета по... одной станции! «Ах... да, ведь она... она догадается!.. И все... и вот тот, хмуры студент, тоже... тоже догадается!..» Доронин захохотал, сердце у него снежинкой метнулось вниз и тотчас порывисто рванулось вверх. Он отвел глаза в сторону, малиновый румянец залил шею и все сразу вспотевшее лицо.

Кондукторша удивленно оглянулась. Нет, она не ошиблась, он вошел один. Для кого же второй билет?

— Вам куда ехать-то? До конечной остановки всего одна станция! — добавила она, предположив, что Доронин пришежал.

Доронин растерялся еще более; он беспомощно, как-то совсем по-детски поднял глаза на кондукторшу.

— Мне... пожалуйста... ну, дайте мне... два билета!.. Вот... шестнадцать копеек!

Недоумоенно пожав плечами, кондукторша отчеркнула ногтем билеты и сунула их ему.

Доронин вдохнул глубоко и облегченно. Он помядел еще мгновение, хоть трамвай и шел в сторону, противоложную его дому. И странно: тот самый сидевший в углу студент перестал казаться хмурым! Нет, совсем напротив, у него стало веселое лицо, точно он только что получил стипендию!

— До свидания! — негромко и легко сказалось Дорониным кондукторше. Он вскочил с места и на-ходу замедлившего бег трамвая, прыгнул на мостовую.

Доронин шел одиннадцатым номером — крепким своим размашистым, молодым шагом. Летняя ночь, дойдя до середины пути и еще колеблясь, уже клонилась к легчайшему предчувствию рассвета. С Кремлевских стен проглядели над замершим в предуровневом расвете, с жеманностью перекаты часовых ударов. И показавшись Доронину: теперь они убий утвердительно как-то и в такт, да, да в такт его шагам.

ЧИТАЙТЕ!

В выходящем к VIII всесоюзному съезду ВЛКСМ

№ 9 „СМЕНЫ“.

РАССКАЗЫ: М. Платошкина и М. Скворцова.

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ: В. Д. Бонч-Бруевича — Комсомольцы у Ильича. Вечный и проклятый вопрос — письмо комсомольца Миронова. Ф. Малова — Настя Бодрова. И. Бархаша — Молодая смеялка (комсомольцы изобретатели). Н. Оружейникова — Товарищество и чуткость. Г. Бергмана — Люди в горах и др.

Не забудьте возобновить подписку на май месяц. Подписная цена с 1 мая до конца года 1 р. 30 к.

Поэма Ивана Доронина

I

По-разному поют и пишут.
Я с девушки начну... У вишен
Она, плеснув косяго, вдруг
Оставила своих подруг.

В садах накренились плоды,
Застыли маки в огороде.
Минуя ригу, на зады
Босая девушка выходит.

— Дуняша, Дунюшка, куда ты? —
Ей мнится, шелестят кусты.
— Зачем в такую пору ты? —
Ей чудится, лепечет мята.

За нею следом у полевья,
Как на ладье, на тучке месяца,
Сверкая золотым веслом,
Плывет над голубым селом.

Поля пусты. Одна Дуняша
Идет полями у межи.
Кругом дурманный дух ромашек,
Дурманный запах спелой ржи.

Мурлычит на реке волна,
Хорошей радуясь погоде.
Дуняша к берегу подходит,
Садится на берег она.

Нежна сирень и тишь меж ней,
Но локоп Дунюшки нежной.
Курчавым дымчатым кольцом
Свисает локоп над лицом.

Косынка снята. У плеча
Коса повисла повдлинкой.
Ну, кто бы, Дуно повстречав,
Ей про любовь не зачирикал.

Я пьян (простите отступленье)
Дуняшеною красотой.
— Ах, чорт! — воскликнет холостой.
Вздохнет женатый без сомнения.

У Дуни голос — ключ кипучий
(Сравненья пожелать ли лучше).
А ножки, ножки... по корочке...
Про ножки петь не стоит в ночи.

Келейный лить не нам елей,
В наш век острот не любят тонких.
И девушки у нас в селе
Не водят пухленьких болонок.

Я б мог ценителю красот
Представить чудо диких граций
Под золотым дождем акаций.
Ученый муж раскрыл бы рот.

Балетный плющ высок и пышен,
Но хмель степной пышней и выше.
Нюхнуть на сцене хоть немного
Хотела бы я хмелька степного.

II

Глаза у Дуни — синь во ржи.
А груди — перепелки в поле.
Шальная молодость, держи
Собаку страсти на запоре.

Про Эрос пела Коллонтай,
Но ей сказали: «тетка, хватит!»...
Зачем же, очумев не кстати,
В чаду влечения плутать.

Хорош в бору брусники цвет,
Коль на бруснику лется свет:
Лишь в теплоте журчащих листьев
Брусничные родятся кисти.

Поспело яблоко — так рви,
А если зелено — не трогай.
Иди на пир своей любви
Суровой будничной дорогой.

Спокоен гордый дровосек,
Когда дрожит деревьев сходжа.
Чем тверже и прямой походка,
Тем величавей человек.

Мы часто ищем наше счастье,
А счастья ищет в нас участья.
Где добродушно приветчают,
Там добродушьем отвечают.

Не всякая умеет лошадь
С горы спускать тяжелый воз.
На темную траву оплошек
Готовьте жало жгучих кос.

Мне говорят: «она пригожа»,
Я отвечаю: «погляжу»...
Чужим я мнением дорожу,
Но собственное мне дороже.

Я недоверчив... Свой же глаз
Обманывает часто нас.
В тумане можжевельник тощий
Не кажется ль порою роцей?

Курчав и бел черемы цвет,
На этот счет не разны мнения.
Дуняше восемнадцать лет —
Пора душистого цветенья.

Глаза у Дуни — синь во ржи,
А груди — перепелки в поле.
Шальная молодость, держи
Собаку страсти на запоре.

ПИСЬМА САМОУБИЙЦ

И. ИПОЛИТ

В ОТЧЕТЕ Звенигородского укома ВЛКСМ в графе «выбывших по личному желанию» значится «1 самоубийца». Сначала это кажется смешно, но потом становится грустно. Если рассмотреть самоубийство, как «добровольный выход из комсомола» (а заднюю — и из жизни), как обычный, каждый день встречающийся случай, то мы именно поймаем из того, что происходит вокруг нас, и покажем, что не родина в руководителе юношеской организации.

Статистика показывает, что число самоубийств в СССР увеличивается из года в год. При этом большая часть из них приходится на молодежь. Из ста самоубийц — сороч один падает как раз на комсомольский возраст, от 16 до 24 лет. Это опасный признак, об этом надо крепко подумать и поискать способы, как с ним бороться.

Статистика показывает дальше, что половина самоубийств, совершенных в этом возрасте, происходит из-за... ни за что не догадаться...из-за любви. О том же говорит и большинство исследователей у нас писем самоубийц. Вот пример:

Недавно в Красном Холме, бездельного уезда, бросилась в реку и утонула комсомолка Гусева. Вот что написала в предсмертном письме тов. Гусева:

«Петь, хороших чувств ты ко мне никогда не имел. Ты видел во мне только женщину, а вопросы моего духовного мира тебя никогда не интересовали. В первом письме я тебя, как комсомолка, просила помочь мне быть товарищем, а ты воспользовался, аглаи мне — для осуществления одной жизненной цели.

В последнем письме ты надругался над моим чувством и моей доверчивостью. Верить слухам ты не мог. Это тебя безотчетно любила, ты мог видеть хорошо, этого ты испугался, и нашел нужным кончить. Ложные слухи меня и в одновали до тех пор, пока ты свои подлые отношения ко мне не прикрыл ими.

Ты отнял у меня жизнь тем, что не поверил мне, надругался над ионами не животным чувством к тебе, не хотел понять моей души, верил тому, чему, в сущности, не имел основания верить. Прощай навсегда. Пяня Гусева».

Это письмо напоминает нам снова о тех вредных «уклонах», которые часто встречаются в отношениях между подлами. Нерудно заметить, что Пяня Гусева стала жертвой того упрощенного, физиологического понимания любви, какое нынче у многих в моде. Но так как общественное мнение, как в этом ни стыдно сбаваться, обычно в подобных случаях всецело на стороне и у женщин, то дело кончается шито и крыто. Девушка поплачет, над ней посмеется и про нее забудут, если

только она, как Пяня Гусева, не напомнит о себе таким решительным образом. Но Гусевых бывает около на тысячу, а девятьсот девяносто случаев даже не доходит до наших ушей.

Страдающей стороной здесь в большинстве случаев оказывается женщина, и поэтому среди самоубийц так много девушек. Мужчины, кончающие с собой из-за любви, попадаются гораздо реже и по другим мотивам. Приведем небольшой отрывок из последнего письма комсомолки Ф. В., адресованного предмету его любви:

«Аня, ты же человек, ты была всегда такой доброй и отзывчивой, неужели у тебя нет ни крошки человеческой жалости ко мне, неужели между нами все кончено? Аня, что ты со мной сделала? Я ведь еще такой молодой, а для меня уже жизнь отравлена, меня уже ничто не интересует, ничто не радует, ночью или днем только и думаю о том, чтобы увидеть тебя.

...Но что же мне делать, когда для меня жизнь хороша только с тобой, Аня, если тебя не будет возле меня, то не стоит и жить?»

Такие случаи являются выразительным ответом тем разудалым молодцам, которые утверждают, что «никакой любви нет, а есть одна половая потребность». В то-то и беда, что чувство это есть, а внимания на него у нас упорно не обращают: в результате получают, с одной стороны, такие жертвы «стемперамента», как Пяня Гусева, а с другой — чудак, для которых еще стоит жить, если возле них не будет возлюбленной.

Следующая группа самоубийц — тоже вbulkнившие на женщин — это жертвы насмешек и травли со стороны окружающих, как последствия неудачной любви. Вот московская комсомолка Л. Она сошлась с комсомольцем Пучковым, обещавшим на ней жениться. Однако, добившись своего, Пучков решил не связываться с ней и стал искать способ избавиться от Л. Он распускает по-

исую самые гадкие слухи об Л., и скоро работнице не стало житья ни на фабрике, ни дома. Девушка долго не сдавалась, но, не видя нигде поддержки, не выдержала и покончила с собой, оставив следующие коротенькое письмо:

«В смерти моей никого не вините. Я жить так больше не могу. Моя последняя просьба — не осуждайте мой поступок некоммунистически. Еще просьба: скороните меня по-коммунистически, если это можно. Простите меня за то, что я опозорила ряды комсомола. Мой привет и совет товарищам: быть стойкими комсомольцами в строительстве социализма. Л»

Самоубийства бывали и раньше, и даже чаще, чем теперь. Очень интересно посмотреть и сравнить с этии писем самоубийцы 1908—1910 гг., т.-е. времени глухой реакции, после поражения первой революции.

«Мы люди без веры, без надежды, без желания жить», — писал тогдашний самоубийца.

«Я умираю, потому что не нашел смысла в жизни»...

«... потому что в жизни слишком много темного»...

«... потому что все безнадежно»...

Тут звучат уже совсем другие мотивы. Жизнь складалась так, что оставался только один выход: кто сильнее ухотил в борьбу с тем строем, который создавал темную и бессмысленную жизнь, а слабейшие избивали «вход в смерть». Тут царил полная безнадежность, тупик.

Не то теперь! Читая письма погибших комсомольцев, удивляешься, как мало в сущности, надо, чтобы спасти человека! Капля чуткости, немного внимания к спотынувшемуся товарищу, — и сколько из них мы бы сохранили в нашей семье!

Года два назад одна московская партийная ячейка, обсудив после одного случая самоубийства этот вопрос, постановила запретить своим членам прибегать к самоубийству. Однако, к удивлению ячейки, эта резолюция не произвела желаемого действия. Значит, тут дело не в резолюциях, все и так знают, что самоубийство — позор и недостойно сознательного борца за коммунизм. Есть лучшие средства борьбы — правильное воспитание, например. Надо, чтобы партнеч и комсомолки имели твердое, стойкое мировоззрение, в котором они найдут силу перенести временные неудачи и поражения.

Наконец, еще одна задача вытекает из разбора наших писем: Люди гибнут подчас из-за совершенных пустяков, оттого, например, что к рождению нет нового платья. Между тем жизнь готовит нам новые трудности и новые испытания, вплоть до испытания огнем войны. К ним надо готовиться и готовить железные характеры, надо ковать людей, которые не потерпят головы перед болыиими несчастиями, чем всякая сплетня, косые взгляды мещан или любовные огорчения.

НАШ БЫТ

фото Ф. Зубкова

Меня на собрании

ВОЙНА ЯЗВАМ БЫТА

Очерк ИЛЬИ ЛИНА

НЕТ легче сваливать все наше безкультурье, грязь на объективные обстоятельства, интелту, «наследство царского режима», гражданскую войну и т. д.

Да и завеледу у нас уже так: отчитывается секретарь ячейки на собрании — обо всем расскажет, сколько кто на заседаниях просидел, какое количество штатных протерто, сколько протоколов исписано — этак часика на два развезет.

Обругает кого следует за отрыв от политической, невнятной газет. Есть о чем секретарю ячейки поругаться.

А вот насчет этой самой бытовой стороны жизни людей, тех 16 часов, которые молодой паренек, комсомолец проводит вне производства, учреждения — как он проводит, что он делает, не дают ли они на парня, как на комсомольца, не тянут ли они его назад или в сторону от комсомола, — об этом мало кто толкует. А если и толкует, то в шпакотки того: ходит ли парень в клуб или нет?

О доме, об обеде, о рубашке, о семье говорит секретарь мало. Совсем не говорит.

В циркулярах об этом не сказано, — стало быть, зачем говорить? Хотя все знают, что «бытие определяет сознание» и что если парень иеделю живет барнином, а три недели стрелет гривенники из бутербродов в буфете, то пухой из него поинтернатшник и работник — в животе уж очень урит.

Одно дело 18-я год, когда у все урчало и сделать что-либо было невозможно. Другое дело, когда в животе урит от не умения жить, от того, что коллектня не учит жить. Это хуже, плохо, поозорно для всего коллектива.

Давайте заглянем в ячейку Госторга. Так ли здесь, как у всех? Папочки, протокола, — без этого, разумеется, тоже нельзя. Но папки — это форма. Каково содержание папки, о чем рассказывают испещренные листы?

Ячейка иеделю проводла бытовое обследование комсомольцев.

Ходили члены бюро по квартирам, заглядывали в общежития парней и девушек, беседовали со старинами-родителями и т. д.

Вообще-то обследование у нас в союзе дело не новое. Беда в том, что всегда эти обследования констатируют факты, отмечают недостатки, но не указывают, как лечить, как исправить, что сделать парню, чтоб жить лучше, экономней, чище, с большими порядком и т. д.

Здесь счастливо избежали казенщины.

У комсомольца С. обнаружено, что по-

лучки хватает ему только на 9—10 дней. Подсчитано, сколько он платит за комнату, электричество, сколько у него уходит на заем индустриализации и т. д.

Подчитали и как он распределяет свое свободное время.

Предложено ему: распределить в полдучку, сколько нужно на квартиру и т. д., оставить обязательно часть денег исключительно на питание, чтоб не питаться всухомятку, а иметь горячие завтраки.

Тоже указано и тов. Е. Кроме распределения получки, ей предложено регулярно читать газеты и книги. Но кроме этого обнаружено, что у Е. есть сестренка, 12—13-летняя девочка, и вдруг вне пионер-отряда, хотя сама Е. работает на фабрике. Негоже так. И отменили, что алианте тов. Е. на сестренку недостаточное. Надо ее устроить в пионер-отряд.

Тов. Н. живет вместе с сестрой. Он работает счетоводом, она курьершей. Вместе они зарабатывают 144 руб. Посылают часть денег в деревню. Он обедает в столовой, она готовит себе дома. Н. — руковод политшколы в районе и занят 3 вечера в иеделю. В свободное время бывает не в своем клубе, и товарищи у него не из этой ячейки.

Тов. Н. предложено: 1) больше бывать в своем Госторговском клубе, а то чувствуется оторванность; 2) устраивать совместные четки газет с сестрой, так как она сама читать не может.

Вот общежитие девчат. Пять комсомолок и одна беспартийная. В комнате чисто. Каждое утро проветривается. Есть дежурная. Все подписались на заем индустриализации. Кто учится в конторгуче, кто на общеобразовательных курсах.

Решили к комсомолке Т. доорганизации кружка по ликвидации неграмотности прикрепить из более подготовленных комсомолок к ней заниматься. Кроме того, ей предложено вступить в один из кружков при клубе. Остальным девушкам предложено вступить в шеркасту и намать плановое расходование своего бюджета. Указано и насчет того, что у девушки нет спайки и что нужно посетить коллективный театр, кино и устраивать четки. По воскресеньям, — говорится в акте обследования, — часть девушек уходит к родителям, часть остается в общежитии и питается всухомятку. Поэтому, — говорится в выводах, — нужно сложиться и готовиться обед или ходить в столовую.

В общежитии в комнате четырех ребят — 4 кровати и ни одного стула, ни стола. Ребята все время проводят на кровати: спят на кровати, едят и читают на кровати.

Утром уходит все без завтрака и вечером тоже едят отдельно. Только двое складываются и покупают совместно ужин.

Ребятам предложено выделить определенную сумму на общий котел и на завтрак по утрам, приобрести хотя бы стол и стулья.

Можно бы привести ряд примеров, подобных указанным.

Такое обследование имеет под собой почву — деловые предложения.

Есть ли конкретные результаты обследования? — спросит читатель.

Возьмем, хотя бы, такой пример:

Комсомолец Серов был сторожем. Както он оторвался от союза, билет потерял, а тут еще и сократили его.

Стал шататься Серов без дела и без работы. Ей принята торговца какой-то торговец, дав ему угол и хлеб. Пусть-и рабочего парня к торговцу — дело плохое. Ребета взялись за это дело, вытасывая парня. Устроили на работу, комнату нашли, — и ожил человек.

Это говорит о том, как можно всякое дело сделать живым, и крайне интересующим всех ребят, сплотить вокруг него всю ячейку.

Будни, романтика будней — вещь сложная.

Они требуют умения и талантов. Очень же часто у людей вместо головы только сплошь циркуляры.

Это уже не вина их, а беда.

Иногда бывает и так

Первые ласточки нашей автомобильной техники — легковой автомобиль типа „НАМИ“

Счастливые первенцы

Я СТОЮ на перекрестке улиц, бьющихся в нервных судорогах движения. По асфальтовым тротуарам лавиной плывут люди, едут извозчики, в скрежете рельс со звоном проносятся трамваи. В железобетонном шуме улицы непрерывно гудят автомобили. Над всей этой сложной жизнью в точке пересечения улиц вертушкой сигналов дирижирует милиционер. Вот вместе с поворотом его стрелки на двойных задних колесах свернул к магазину в переулок нагруженный кипами мануфактуры грузовой, пронесся аккуратный такси, и, покачиваясь, бесшумно подошел к остановке на углу красно-желтый автобус.

У панели остановился мотоцикл, сошел человек, перейдя панель, он щелкнул замком у почтового ящика и, бросив в коляску, мешок с письмами, помчался дальше.

Из переулка с нетерпеливым звонком вылетела «Скорая помощь». Под звуки тревожных сигнальных рожков стремительно пронеслась на автомобилях пожарная команда.

На площади по всем направлениям, обогнав пешеходов и трамвай, катились с пассажирами легковые автомобили.

Если в наших больших городах автомобиль лишь счастливый первенец уличного движения, то в европейско-американских центрах почти исчезли с мостов, в реальное поле, они загнаны под землю или же во воздух, извозчик же во многих из них — музейная редкость. Заграничная улица во время движения — это сплошная муравьиная цепь бегущих автомобилей. Пешеходы не могут про-

ваться через этот поток, кроме установленных мест, где регулируется автомобильное движение. В Америке движение регулируется электрическими автоматами, а милиционеры стоят сбоку на углу и являются помощником электрического автомата.

Во избежание загромождения улиц в центре разрешается автомобилям только двигаться, но остановкам воспрещены. Несмотря на множество общественных гаражей все-таки по ночам нехватает мест для стоянки, и вдоль панелей, светясь красными огоньками, стоят вереницы автомашин.

Я не знаю, сколько лошадей в Америке, но автомобилей там 23½ млн., т.е. почти на каждые пять человек населения по автомобилю. Американцы считают для себя идеалом иметь автомобиль на четыре человека, или же 30 млн. для всей страны, хотя и теперь уже все население Америки по сигналу может в одну прекрасную минуту сесть на автомобиль и двинуться в любом направлении.

Нороль «дорожной вши» (Генри Форд)

Американский буржуа дешевый фродовский автомобиль зовут «дорожной вошью». Богаты считают позором пользоваться этим «фордом» и предпочитают другие более дорогие фирмы. Существует даже такая поговорка: «Скажи мне, на какой ты машине едешь, я скажу кто ты такой».

Но большинство американского населения — фермеры, рабочие и служащие — ездят на «форде». Весь секрет в том, что этот автомобиль, при хорошем качестве, очень дешев. В Америке он стоит от 700 до 800 рублей. Продажа производится в кредит, так что уплатив 70—80 рублей, покупатель получает машину, выплачивая остальную сумму в течение долгого срока.

Дешевая цена автомобиля завлечет от постановки производства. На всех заводах Форда в каждую минуту рождается 8 готовых автомобилей, за день, в дне смены — 8000 шт., а в год — 2½ млн. шт. Массовое производство фродовских автомобилей не сосредоточено где-нибудь в одном месте, а раскинуто не только по Америке, но и по

Европе. Каждый завод, считается с наличием сырья, специализируется на выработке той или иной части для автомобиля, в потом эти отдельные части собираются в особых сборочных заводах-мастерских.

Процесс работы при сборке автомобилей таков: с одного конца завода пускается на специальных конвейерах начальный остова автомобиля, а в другом

Конвейер по сборке автомобилей

конец он уже выходит готовым. Рабочий, расположенные вдоль движущейся ленты конвейера, быстро исполняют свою работу. Один завинчивает гайку, второй надевает колесо, и так до конца.

По такому принципу движения находящейся в работе вещи построено все фродовское производство. При этом достигается необычайная скорость работы.

Рассказывают, что американский президент Рузвельт при посещении фродовского завода, войдя в один из цехов, положил свою ладонь на необработанный блок двигателя, а при выходе с завода его сжимал уже новенький, с его надписью, автомобиль.

Но то, что было вчера, не должно повториться сегодня, а то, что будет завтра, должно быть новым — такова приблизительно основная мысль Форда в вопросе постановки производства, поэтому все процессы непрерывно совершенствуются и изучаются в специальных лабораториях, и на основании этих наблюдений производство движется вперед. От хорошего

Впервые Автодвор в провинции. Рабочие одного из предприятий Белоруссии «комбинируют» автомобиль

ТЫСЯЧА

СЕВЕРЯКА

**ЗАВОД „АМО“ ВЫПУСТИЛ НЕДАВНО
СВОЕЙ КОНСТРУКЦИИ. НАШ ПРИВЕТ
АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ!**

лучшему, от лучшего к самому лучшему— этот Фордовский символ веры должны усвоить и наши новые автомобильные заводы.

Первые ласточки

У Крестынской заставы с автобуса пересканиваю на № 16 трамвая. Кончатся город, пробегали поля, за полями про-

на одной из ограниченных заводов

мелькнул нарядный рабочий городок Ленинградской Слободки, а дальше дымятся трубы заводов «Динамо», «Парострой» и других, имени которых не знаю. Позади всех, у лесной поляны — «АМО». У каждого человека, у каждой вещи, а тем более у завода есть своя история. В дни мировой войны во всех странах в связи с требованиями фронта начался колоссальный рост автомобильной промышленности.

В довоенной России только Русско-балтийский завод в Риге занимался сборкой автомобилей из готовых, привезенных из-за границы частей. Так же, как и на Западе, у нас во время войны при помощи колоссальных государственных субсидий возникло несколько автомобильных заводов в Ярославле, Мытищах, Рыбинске, Нахичевани и в Москве. Во главе Московского автомобильного об-ва стоял известный миллионер Рябушинский и инженер Кузнецов. Сорвали «госпитендию» первоначально около 3-х миллионов, да потом еще несколько десятков, всего на завод было затрачено около 100 мил-

лионов, но ни один автомобиль не был выпущен, и завод остался недооборудованным. Часть оборудования, шедшая из Америки, погибла в океане, а часть застряла во Владивостоке.

В 1920 году завод был пущен в ход, хотя сначала занимался только ремонтом и только в 1924 г. приступил к выпуску новых автомобилей.

В 1925 году, выработав свою стандартную марку 1½-тонного грузовика «АМО», завод на ряду с иностранными машинами пустил их для пробы на всероссийский пробег.

Экзамен был выдержан блестяще, и в те дни, когда я был на заводе, через неделю ждали рождения тысячного автомобиля.

Производственная жизнь завода сложная, здесь происходит весь процесс производства автомобиля из нашего сырья, за исключением заграничного электротехнического оборудования, ободов и шарикоподшипников. Сообразно с этим, много цехов: кузнечный, штамповальный, литейный, механический и несколько подсобных. Везде своя работа и своя жизнь. В кузнечном цехе дым, копоть и грохот железа, заглушающий человеческие голоса. Фурчат печи, сверка пламенем. К печи подошел рабочий, порывшись каяцаном, он достал из ее зева брызгающую светом кругляшку. С кругляшкой — к пневматическому молоту; под ударами молота, приводимого в движение легким нажимом руки, кругляшка, как воск, изменяется в форме, удаляется, и через несколько минут рабочий отбрасывает в сторону готовую автомобильную подножку. Скоро и быстро, но рабочий за каждой новой кругляшкой пробегает к печи около 40 шагов. Наверно, Форд назвал бы это варварством. Как-то странно после работы пневматического молота видеть в другом конце цеха ручных молотобойцев, у которых во время работы пот на лице смешивается с копотью. По цеху от раскрытых для вентиляции окон дует ветер. В дыму лудят кажутся тени.

За кузнечным цехом — литейный. Там тоже, на ряду с новейшими достижениями, несколько рабочих

Полупортаторный грузовик завода „АМО“

сеют решетом вручную песок. Наконец, в механическом. Делается веселее и радостнее. В правильных длинных рядах вытиснулись станки новейших систем: револьверные, фрезерные, сверлильные и другие. В станках-автоматах из кусков стали в секунды рождаются части будущих автомобилей.

В сборочном около остовов копошатся люди, прищипывают, прикладывают, а в конце цеха уже стоят готовые грузовые и санитарные автомобили.

Пропитая, мой руководитель, парень из стеногазеты, говорил о предстоящем расширении продукции завода до 1.500 штук.

Кроме завода «АМО», у нас в СССР автомобильные строятся в Ярославле и на фабрике «Спартак».

Ярославский завод вырабатывает 3½-тонные для автобусов, а «Спартак» легковые типа «НАМИ». Эти первые ласточки нашей автомобильной промышленности пока не считаются в сотнях штук, но в ближайшем году уже численность перейдет на тысячи.

— Условия наших дорог требуют особой конструкции машины...

Так начал беседу профессор в научно-автомоторном институте. Там, в лаборатории, сотрудниками автомобильного отдела проверены десятки заграничных автомобилей разных марок и систем. На основании этих испытаний производится авто из-за границы. Но главное достижение института — это постройка модели первого советского легкового автомобиля, которому была дана марка «НАМИ 1». Первые три автомобиля этой марки в

Автобус советской конструкции, выпущенный Ярославским автозаводом

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Очерк В. ЗЫБИНА

пробеге Москва — Крым показали очень хорошие результаты и в некотором отношении даже превосходили лучшие зарубежные автомобили.

Теперь в институте заняты проектом полноразмерного 4-местного и штатного 6-местного автомобиля. Через шесть месяцев модели будут готовы.

Все это сделано и делается при лаборатории, по которой профессор говорил: «Все доморощенное, сделано своими силами и невысоко по качеству. Не только нет новейших зарубежных моделей, но до сих пор сотрудники автомобильного отдела не были командированы на зарубежные заводы.

Проходя по лаборатории, останавливаемся у станка для испытания качества шин.

— Свои или чужие? — спрашиваю я.

— Резинотреста, и надо сказать, за последний год стали очень хорошие.

И, помолчав несколько секунд, он добавляет:

— Выдерживают пробег до 25.000 километров.

«Мечта моя или тов. автодор?»

В новом детище американизации СССР, на Пушечной, 7, в Автодоре (Об-во содействия автомобилизму и дорожному строительству) из разных уголков Союза каждый день получаются письма.

Вот отрывки из них:

«Что представляют лошади: тощие, разбитые, ноги дудой, хромые, слепые; посмотришь, плакать хочется... Можно сказать, что лошади в деревне — консервативный элемент».

Так пишет один из Винницких.

«Сколько смертности от несвоевременной подачи медицинской помощи, пока врачу или фельдшеру подадут лошадей, приезжая, он застаёт больного мертвым, и то же бывает, когда vezet на своей коляске больного за 20—30 верст к доктору».

Пишет уральский врач-общественник, а крестьянин Белоруссии уже ставит вопрос практически:

«Уважаемый тов. Автодор, — так он обращается в обращении, — Я прошу в скором времени выслать и сообщить много об этом Автодоре, как его организовать и где купить автомобиль для кооператива и сельсовета и для артели, то есть несколько человек вместе...»

За два-три месяца жизни Автодора проведено несколько десятков собраний, организовано в одной Москве около двух сотен ячеек, выпускается специальный журнал «За Рулем», предпринимаются шаги к ввозу из-за границы дешевых автомобилей и правильному использованию в ячейках Автодора старых автомобилей.

В последнюю минуту мне попадается только пришедшее в Автодор письмо из далекого Мурмана, от демобилизованного красноармейца.

Он пишет:

«...Получаю 42 рубля... Сберегаю от 15 до 20 руб., сообщите, где можно дешево купить мотор!».

Изучаю алгебру, геометрию и механику, но плохо поддается, и учебники трудно достать...»

И кончает так:

«... неужели мечта моя и главная цель жизни — приобрести мотор — не исполнится?»

С порным десятком тысяч таких, как авторы вышеприведенных писем, можно быть уверенными, что мы построим автомобили и проведем для них шоссе. На нашей «форде» мы быстрее приблизимся к новой жизни.

ВНИМАНИЕ сознательных пролетариев всех стран приковано к СССР — первому в мире рабочему государству, строящему социализм. Ознакомление трудящихся Запада и Востока с достижениями и успехами СССР имеет огромное значение. Это ознакомление проводится прежде всего через посылку заграничными рабочими делегаций в СССР.

Также не малую роль в этой работе играет обмен письмами рабочих наших и заграничных предприятий. Комсомольские ячейки за 10 лет существования Советской страны сумели завязать большую письменную связь со своими товарищами по ту сторону советской границы.

В Москве на заводах «Радно», «Красная Пресня» на фабрике имени Ногина, в типографии «Красный Пролетарий» комсомольские ячейки являются образцовыми по интернациональной связи.

Это образцовые в московской организации. А сколько ячеек, поддерживающих, хотя бы и не систематически, путем переписки, связь со своими товарищами в Америке, Англии, Германии, Китае, разбросано по Советскому Союзу! Как же работают эти «образцовые» ячейки?

Вот, например, типография «Красный Пролетарий». Комсомольцы с 1925 года связались с заграничными товарищами, послали первое письмо в Маннгейм.

Послали, и все неверилось:

— А зачем мы, собственно говоря, письмо писали? Кто нам отвечать станет?

Не верили, а в контору все же по три раза в день бежали, спрашивали:

— А нет ли письма из Германии?

— Нет!

— Значит, завтра будет?!

— А кто его знает!

Два месяца ждали.

Однажды, уже неожиданно, наконец, письмо пришло.

— На-те, ребятки, получайте, из Германии.

Обрадовались. Распечатали. Но письмо оказалось написанным на немецком языке.

И вот теперь вы видите, как работают эти «образцовые» ячейки.

Вот, например, клинцовские комсомольцы с фабрики имени Ленина, написали письмо в Нью-Йорк, молодому рабочему — текстлякину. Не забыли ребята и похвастаться.

— Мы, дескать, переходим теперь на работу на два станка, а раньше работали на одном.

Какое же был конфуз ребят, когда из Америки они получили такой приблизительно ответ:

«Наши рабочие работают на 40 станках, а ведь мы работаем на капиталистов, да наши станки, вероятно, и быстрее ходят ваших. Вы работаете на себя, на свое государство, и двух станков мало».

Ребята с «Красного Пролетария» (Гержика) пошли еще дальше. Они послали в Германию для проверки свои нормы выработки:

— А ну-ка, товарищи, проверьте, не малы ли у нас нормы, не следует ли их увеличить...»

Так, через головы буржуазных правительств и их жандармов, прочно вьются узлы братской связи советских пролетариев с пролетариями Запада и Востока.

как бы больше сока из молодежи выжать, квалифицируется же молодежь или нет — им глубоко наплевать.

Вот с этих пор и пошло. Сначала ячейка переписывалась с одним только комсо-

Письмо маннгеймских товарищей и ответ комсомольцев «Красного Пролетария»

мольцем. Потом связались и с комсомольской ячейкой завода Бену, а теперь устанавливает связь и с берлинскими комсомольцами.

В Брянске и Бежице комсомольцы больше переписываются индивидуально, или, как их называют, — «кустарно-одиночки». Это слышь э сп е р а т и т ы; поддерживают связь с Лондоном, Нью-Йорком, Берлином, Веней.

Но было бы ошибочно думать, что переписка имеет только информационное значение. Из писем своих зарубежных товарищей наши комсомольцы черпают немало и полезного для себя, они учатся проверять свою работу, сравнивая ее с заграничной.

Так, например, клинцовские комсомольцы с фабрики имени Ленина, написали письмо в Нью-Йорк, молодому рабочему — текстлякину. Не забыли ребята и похвастаться.

— Мы, дескать, переходим теперь на работу на два станка, а раньше работали на одном.

Какое же был конфуз ребят, когда из Америки они получили такой приблизительно ответ:

«Наши рабочие работают на 40 станках, а ведь мы работаем на капиталистов, да наши станки, вероятно, и быстрее ходят ваших. Вы работаете на себя, на свое государство, и двух станков мало».

Ребята с «Красного Пролетария» (Гержика) пошли еще дальше. Они послали в Германию для проверки свои нормы выработки:

— А ну-ка, товарищи, проверьте, не малы ли у нас нормы, не следует ли их увеличить...»

Так, через головы буржуазных правительств и их жандармов, прочно вьются узлы братской связи советских пролетариев с пролетариями Запада и Востока.

Интернациональная комиссия типографии «Красный Пролетарий» за составлением письма заграничным товарищам

Наши переводчики. Писал ячейке один парень из Маннгейма с завода Бену, про свое житье-бытье.

Что ни говори — тяжело в «свободной» Германии живется. Молодежь работает 10—11 часов, считая сверхурочные. Зарабатывают на кусок хлеба, — не больше.

Предприниматели заботятся только о том,

ПОД ГНЕТОМ ФАШИЗМА

(НАН РАБОТАЮТ ИТАЛЬЯНСКИЕ КОМСОМОЛЬЦЫ)

В. Л. РУБИН

Очевидная опасность войны с СССР, десятилетия существования советской власти в СССР, делегация взрослых и молодых рабочих в СССР, — все это усилило симпатии трудящейся молодежи Италии к Советскому Союзу.

В противовес этому полеванию рабочей молодежи фашистские круги Италии стараются все больше усилить и укрепить свое влияние на молодое поколение. Фашистская палата постановила отпустить один миллион лир специально для юношеских учреждений клубного и спортивного характера. Совершенно ясно, что эти мероприятия фашистских властей объясняются не чем иным, как стремлением объединить в своих рядах широчайшие массы молодежи, обеспечить кадры новых фашистов. Хотя секретарь фашистской партии Турати в своих новогодних заявлениях отметил, что «молодежь лучше всех усвоила дух фашистской революции», тем не менее есть серьезные основания предполагать, что приспешники Бенито Муссолини сильно обеспокоены отсутствием притока свежих сил, и в качестве одного из способов для привлечения этих сил они используют спорт.

В тесной связи с фашизацией спорта стоит фашизация школы. Показателем в этом отношении следующий факт. Фашистское правительство уже приступило к осуществлению особых мероприятий, которые непосредственно ведут к прямой военизации и фашизации физического воспитания в школе. Эти мероприятия сводятся к следующему: физическое воспитание будет обязательным для всех учащихся низших школ (где учатся преимущественно пролетарские дети). Каждая школа должна будет иметь специальную площадку, при чем будут использоваться также военные лагеря. Эта программа физического воспитания носит довольно характерное название — «Национально-фашистская гимнастическо-спортивная программа». Она показывает, что основная цель обучения — не оздоровить физические дети, а подготовить из них борцов за фашизм.

Все это обучение будет находиться под руководством фашистской организации «Опера Баллиа», представляющей организаторов поезда 500 авангардистов на пароходе в колонии, то есть организуется своего рода репетиция к настоящим захватывающим экспедициям. Для руководителей и инструкторов будут созданы специальные курсы, при чем в Олимпийский Комитет будет введен представитель фашистской милиции.

Но наступление фашистов развивается не только по линии физического и школьного воспитания. Стремясь поставить под свое влияние массы детей и молодежи, фашисты принимают и другие меры. Если меры по отношению к детям буржуазных слоев населения идут по линии подкупа

и льгот (так, например, в связи с праздником крещения, 6-го января «Опера Баллиа» раздавала подарки буржуазным сынкам), то меры, применяемые к итальянскому комсомолу, идут по линии арестов и всевозможных репрессий.

В последнее время список узников и жертв фашистской реакции пополнил

шим времена средневековой инквизиции. Так, например, в одном из городов было арестовано несколько молодых товарищей по обвинению в ведении комсомольской и партийной работы. Их обливали кипятком, кололи кинжалами и иглами в чувствительные места тела, избивали и т. д.

В Монфальконе один молодой рабочий был арестован и жестоко избит полицией. В тюрьме его допрашивал офицер фашистской милиции. При допросе он был его и вырвал у него волосы. И все это за то, что во время одной демонстрации он повесил на патристическое знамя красный плакат.

Но, несмотря на все эти преследования, комсомол продолжает работу. Регулярно выходит нелегальный орган КСМИ «Авангардия». И о том, что эта газета мелеет спящая с массами трудящихся молодежи, свидетельствуют многочисленные письма и заметки, помещаемые в отделе «С фабрик, полей и заводов». Тут и сообщения о забастовке молодых текстильщиков в Биелла, и заметка об эксплуатации подростков, о борьбе с фашистскими профсоюзам в Риме, и о многом другом.

Учитывая всю важность работы среди крестьянской молодежи, которая во многих случаях представляет резервуар, откуда фашистские объединения могут черпать свои силы, КСМ Италии начал издавать в Ломбардии специальную газету для крестьянской молодежи — «Молодой Крестьянин».

В Италии одной из лучших форм для массовой революционной пропаганды и борьбы являются так называемые Юношеские Комитеты Пролетарского Единства, в которые входит представители революционных профсоюзов, КСМ Италии, комартисты, молодые максималисты и беспартийные.

Вот несколько заметок из итальянских газет.

1. «Недавно в части области Эмилио группа в 100 молодых рабочих, в большинстве беспартийных, приехала к местному Юношескому Комитету Пролетарского Единства. Часть членов уже вступили в революционные профсоюзные организации.

2. В Г и у е «по инициативе Юношеского Комитета Пролетарского Единства состоялась конференция рабочей молодежи. Делегаты представляли 26 предприятий. Присутствующие с восторгом поддержали предложение о подлинке в фонд помощи комартинов».

В последнее время комсомол Италии начал пропаганду против проводимого фашистами под лозунгом — «Дадим крылья ишей родине» — сбора средств на постройку новых самолетов, указывая, что этот сбор означает усиление военной мощи Италии, и так ведущей воинственную политику.

Нелегальная газета КСМ Италии — «Авангардия»

ся новыми именами. Активный работник КСМ Италии товарищ Джованни Форнаро приговорен к 8 годам заключения. В Турине было арестовано 15 комсомольцев, у которых были найдены старые легальные издания. Они приговорены чрезвычайным судом к разным срокам тюрьмы. Во Флоренции был арестован один молодой печатник, который якобы печатал номер подпольной газеты.

Для того, чтобы получить от обвиняемых нужные показания, итальянские палачи прибегают к пыткам, наименован-

Муссолини принимает парад молодых фашистов

ЛЮДИ В ГОРАХ

(ПЕШКОМ ПО НАВНАЗУ)

Очерк Г. БЕРГМАНА

1. ЭЛЬБРУС

НА ПОРОГЕ «туристского» лета (у туристов лето особое) я хочу поделиться с читателями «Смены» впечатлениями прошлого года. Ранней весной—едва подсохла земля—мы стали выезжать за-город.

Каждое воскресенье дарило нам новости: проносились крича журавли, улетаая от надвигающейся жары; медленно распухли дубы; потом как-то вдруг оказалось, что уже колосится розь... И мы поехали на Кавказ.

Москва тяжело дышала нам вслед, и в открытое окно еще долго валивались густые запахи предместий, запахи дыма, дегтя, уважоненных огородов и заболоченных прудов. Потом столица спрята-лась за сизой дымкой, горизонты разбе-жались во все стороны, как шаловивая детвора, по бокам легли кошоенные поля, дальше лес, и вместо десятков спутанных путей перед нами стрелой выткнулись две пары блестящих релье.

Наша ближайшая цель—Эльбрус. В Кисловодске провели скучную ночь—нигде было спать, а на завтра мы уже были в селении Хасаут. По дороге однажды увидели Эльбрус, он стоял за зелеными холмами, весь белый и самый милый из всех милых гор. Вечером в ущелье приползли тучи, над скалой Бер-наматы скакали молнии, и громы довольно миролюбиво переговаривались из ущелья в ущелья.

Утром мы купили осла (потом, между прочим, его продали километров за 300 отсюда). Нам уверали, что это самый ч-стный осел из всех ослов Хасаута. И в самом деле—осел оказался нрава мирного и трудолюбивого, а если и бывал иногда упрям, так только с перепугу.

После торга, навьючив килограммов 60 на наше четверногое «движимое имущество», мы прошли несного вверх по реке, к западу, потом перешли ее, свернули на юг, ползли вверх и вскоре вышли на плоскогорье. Кружились тучи, туманы бесцеремонно лезли прямо в глаза. Скоро увид-ли ливень. Но атака не удалась—мы заприметили два камня,—какое-то землетрясение забыло, видно, сбросить их со склона холма, они нависли над обрывом, и вот мы уже добежали до этой пещерки и важно глядим на грозу, будто из театральной ложи, по-смынявсь над овцами: сгрудившись в белые и черные кучки, они блеют и мюкнут на окрестных холмах.

Потом сделали небольшой привал. Марецкий заснул, отогреваясь под выглянувшим солнцем. Умытые зеленые холмы нежидки, курились испариной, наш ослик закусьвал мокрыми травинками. Вдруг он чего-то испугался и, про-рав фронт, помчался назад. Бар-

В августе 1927 года группа московских туристов совершила интересное путешествие по Кавказу, пройдя около 450 километров пешком. В путешествии принимали участие следующие товарищи: В. А. Семеновский (работник Наркоминдела), О. А. Наумова (союз Раброс) и три сотрудника «Комсомольской Правды» и «Смены»—А. А. Бархин, Г. Б. Бергман и Г. П. Марецкий.

Мы помещаем очерк первой части путешествия, завершившейся восхождением на Эльбрус.

теля. Но в самый решительный момент осел прибавлял ходу—и турир начался опять. Наконец, повели правильно осу. Окружили осла козлом. Он почув- опасность, заискивал, а мы засыли, как статуи, в ужасе и молбье. И вот мы выдвинули нового

бойца. Это был Семеновский, по роду своей службы обязаный обладать навыками дипломата. Бочком, как бы невзначай, поди-гался он к врагу. Добравшись таким ма-нером до передовых позиций, Семеновский нагнулся и сорвал цветок. То было любимое лакомство всех ослов. А на лакомых вещах всегда обжигаются. Наш осел не-осторожно загляделся на предательский цветок, и в тот же миг человек вскочил на ноги и тигровым прыжком прыгнул вперед. Скоро осел покорио шел, навьюченый пригитающейся ему долей ба-гажа.

Под вечер мы спустились к реке Муш-те и, раскинув палатку, послушали шум быстротекущей воды и заснули.

Утром, вместо того, чтобы пересечь Мушту, мы почему-то пошли вниз по ее течению, много раз переходили ее вброд и, наконец, уперлись в скалу, выделан, что дороги дальше нет, и полезли на-право, вверх. В тумане потеряли друг друга.

К вечеру спустился куда-то, встре-мили пастухов и иочевали у них. На минуту тучи разошлись и милостиво по-зволили нам взглянуть на Эльбрус—он оказался совсем близко, но о великоле-пий его в предвечерий час не скажешь никакими словами. Пастухи угощали нас супом и бараниной, ходили по очереди на верхушку холма, к стадам, где бес-оменно дежурили огромные лютые псы. Пастухи рассказывали о Красной армии, о инкнзьях, которые были да слы-ли, о старых расприх между соседними народами и спрашивали нас о войне и о том, как люди живут в Мокске.

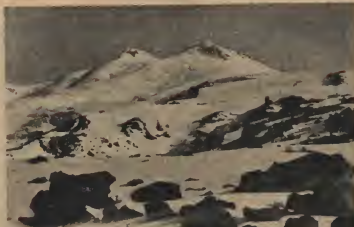
Мы вышли затем к реке Хар-баз. Она вздулась от дождей, грохотала камнями, и перейти ее было бы мудро, если б не по-доспели два всадника. Мы по оче-реди переехали реку, а ослика перевели между двумя лошалями. Тут опять пошли вверх и спусти-лись затем к реке Малке, у горя-чего кислого источника.

Здесь сооружен простенький каменный бассейн и есть даже удобная гостиница: довольно просторная пещера. В ней мы и переночевали. Сюда из селений ездят лечиться, в земле вырыты ямы,—люди залезают в них, что-бы, как веник, принять нечто в роде грязевых ванн. Недалеко от исто-чника гремит два крупных водопада. И совсем рядом—в 5—6 километрах—стоит гора Эльбрус.

Дальше перевалили через немы-сокий хребет, спустились к реке Ис-

хаш побежал в обход. Через полчаса осел вернулся, но в руки не дается. Сначала Бар-хаш пытался перехитрить противника один-на-один: осел ходит и жует, и чело-век за ним, делает вид, что цыры со-бирает, а сам готовится схватить неприя-

Вид на вершины Эльбруса с его южного склона

рук и, зякнув единообразно о ледяные стенки, исчез где-то в страшной глубине. Другой раз, когда зачем-то остановились, оказалось вдруг, что мы все пятеро стоим на снежном мостике над разнутой пастью трещины...

Становится холодной, крепчал ветер, влага крутила снег. Смеркалось. Положение было довольно серьезное. Но вот среди вьюжной иути выступили скалы. Мы пересекли ледник, вышли на снег и быстрым шагом достигли скал. Это — «Приют Одинадцати», на высоте 4.100 метров. Под свежим снегом валялись жестянки из-под консервов, куски недоеденного сыра. Я нашел две шахматные фигуры: здесь побывали грузинские туристы, лавинные на Эльбурсе. Завану было ийти следы человека на этой высоте, где несколько скал были только мелкими пятнышками на необъятном снежном склоне Эльбурса.

Под ударами ветра кое-как поставили палатку. В ней было тепло, но очень тесно. И всю ночь ревели пурга, и кожный снег шуршал и царапался о дрожжее полотно нашего дома.

Утром температура поднялась до нуля, но мятель продолжалась, как прежде.

Неожиданно к вечеру тучи разорвались. За нами то здесь, то там выступали из млы утесы. А впереди, наверху, показались два мурлоа. Обрамленные вешими звезда, спокойным светом мерцали вершины Эльбурса.

Была ясная, холодная ночь. Мы шли к вершинам. Сильный ветер бил нас востречу, по ногам. На востоке просветлело. Тогда, оглянувшись назад, мы увидели весь Кавказ перед собой — хребты, утесы, ледниковые вершины. Становилось светлей, они росли и приближались к нам. И далеко на востоке, за 200 километром, был виден Кавказ.

Было 7 градусов мороза, при сильном ветре. Двое — Наумова и я — стали легкой добычей холода. В московской берготе мы не успели купить шерстяные носки, а ноги у нас однажды уже были обморожены — при переходе зимой через Главный хребет. Теперь приходилось расплачиваться.

Уже было светло, когда дошли до «Приюта Пастухова», т.е. гряды небольших камней на высоте 4.700 метров

Ищущий вперед прощупывает ледорубом прочность снежного моста

Наша палатка на „Приюте Одинадцати“. Когда не раздувает тучи?

(почти на высоте вершины Монблана — высочайшей из гор в швейцарских Альпах). Выходило солнце. Вершины сделались розовыми, золотыми, в глубоких ущельях залетели снеговые тени. Кое-где лежали кучами курчавые, сонные облака.

Наумова уже не чувствовала ног. Сняли ботинки, пробовали растереть снегом. Но под жестким ветром стало еще холоднее, и ей пришлось ийти вниз. Задержавшись на минутку, я смотрел, как маленькая человеческая фигурка быстро бежала по снежному склону...

Пошли дальше. Стало круче. И все меньше мисорода. Сердце работает, как мотор. Остаемся через каждые 10 шагов, потом через 50, через 30. Солнце пока холодное, как луна, не может справиться с морозом, а ветер по-прежнему мчится с вершин по склону и еще элее бьет по ногам... Теперь млы очерле: ноги колючей. Ох, как же хотелось ийти вниз! А иду. Высота — около 5.200 метров, — мы уже выше всех гор Кавказа Европы.

До вершины Эльбурса остается всего 400 метров. И никаким техническим трудностям (в этом отношении Эльбурс очень добрая гора). Но ноги не желают на этот раз добраться до вершины. Я был по ним палкой — никакого ощущения. Надо скорей ийти назад.

Иду.

Но на высоте около 5 тысяч метров сажусь на снег, закуриваю ноги в бурку, достаю шоколад и ем его, «запивая» снегом. Высоко над собой вижу трех путников. Они подходят к основанию восточной вершины. Солнце поднимается. Я гляжу на Кавказ, распростертый внизу.

Еще одну ночь мы провели в палатке на «Приюте Одинадцати».

Утром не тораясь пошли вниз.

И на той самой ледяной пути, где нас трепал буря, теперь было жарко. Появились какие-то насекомые, комары, паучки, по леднику бегут ручьи, падают в трещины, а там, на дне ледяных пропастей, шумят целые потоки. Весна на льду!

Приближаемся к «Кругозору». Рядом с ледником выросли цветы, темно-синие, желтые, ярко-красные. Издали видим на горе осл. Пискула птица, где-то лают собаки, слышны человеческие голоса. Фролов выходит из палатки, смистит прямо в висток и машет рукой в знак привета.

Переход через трещину по снежному мосту

лам-чат и в тот же день поднялись на высоту (3.200 метров), но бесснежный и совсем легкий перевал Кыртык-Ауш. Прямо впереди громадится главный хребет, а сбоку Эльбурс. Спустившись к реке Кыртыку, мы вниз по ее течению пришли в аул Верхний Баксан (на старых картах — Урусбиево), пройдя километров 150.

Отсюда прошли 30 километров вверх по реке Баксану, тут много селений, хуторов, шли мы не спеша, ели малину и смотрели на белые вершины Донгуз-Оруча, господствующие над этой долиной. Стемнело, мы пришли в поселок Азау, у подножья Эльбурса. Этот «поселок» — один дом. Часть нашей группы заночевала в палатке, другая на крыльце. Налетел ветер, лес шумел, и, засыпая, каждый думал о завтрашнем дне, когда он пойдет уже не мимо Эльбурса, а прямо к вершинам его.

На утро было пасмурно, много раз принималось итии дождь, и мы поздно вышли со стоянки, так что, поднявшись на «Кругозор» (так называется травянистый выступ на южном склоне Эльбурса, на высоте около 3.000 метров), вынуждены были заночевать здесь. На «Кругозоре» в это время жили в палатках участники научной экспедиции, изучавшей силу солнечной радиации (тепло солнечных лучей). В числе участников экспедиции был Я. И. Фролов, старый опытный альпинист, побывавший на обоих вершинах Эльбурса.

На следующий день выпал снег, мы колебались — итии вверх или переждать, но к полудню, оставив осла пастись на «Кругозоре», взяли палатку, бурки, примус, провизию и выступили в путь.

Скоро мы вышли на ледник Малый Азау. Трещины сначала попадались немного, потом все больше, и порой приходилось делать зигзаги, возвращаться назад, пока не находили снежного моста.

Тут начался мятель.

Слева, с запада, бил холодный ветер. Ртуть в нашем градуснике быстро ползла вниз, пока не допала до 6 градусов мороза (дело было 19 августа). Затормозились: до удобной ноженки еще несколько часов, а в шесть уже темнеет. Семеновский идет вперед, ледорубом прощупывая, нет ли скрытых, занесенных снегом трещин и прочны ли снежные мосты. Однажды ледоруб выскользнул из

1) Восхождение было совершено без проводников и носильщиков.

В „ХОРОШУЮ“ КИНОШКУ

Очерн ФЕДОРА МАЛОВА

В БИТКОМ набитом вагоне «А» мы едем смотреть картину в одном из лучших московских кино.

Ребята: Семка Болт и секретарь Жданов— модных демсезонных пальто, разглаженных брюках и, конечно, при галстуках. Они долго отмыывались после работы в механическом цехе, а я ждал их с билетами и тортилом.

— Удсееш! — успокаивающе урезонивал меня Семка, кивая притупившейся бритвой по подбородку.

Он был очень доволен нашей затеей поехать в хорошую киношку и по-настоящему отдохнуть в выданный от всевозможных занятий вечер.

— Плохо вот, что попутрится нечем Пудра после брития лицу придаст известную свежесть. М-да!

В это время в дверь постучали. Это пришли за нами девушки — Шура Моссельпром с Анютой, работницей от фрезерного станка. Они притрякнулись прямо до неувязчивости. На Анюте новые фетровые боты и ярко голубая бархатная шляпка с жемчужным цветком на боку. А Шура важно расхаживала по комнате в вязаной, мягкой шапочке-«колпачек» и полупальто на беличьем меху.

Семка попросил у них пудры. Анюта, сверкнув металлической дужкой редикюля, подала ему в бумажке щепотку.

— Только не всю трать. Не оставь без пудры.

На всех хватит, — успокоил Семка, натираясь пудрой перед осколком зеркала не пуховой, а прямо ладонью. — Ну, как, Васька, ты готов? — спросил он за ширму, где мать прищипывала Жданову какую-то пуговицу. — Я уж и то совсем собрался!

— Интересно, что идет сегодня? — спросил Жданов дорогой. — Неужели какая-нибудь заграничная американка?

— Увидим, скажем, — смеется Шура, прыгая с трамвая.

— Ишь ты, как горит! — глазеет Семка на электрическую рекламу. — Целый завод осветить можно.

На фронтоне, освещенном нитью лампочек, крутились две маленькие ветрячки тоже из лампочек, но разноцветных. Узнаем, что сегодня идет битовая картина «Водоворот», но нам, собственно, все едино. Цель поездки — отдых.

Наши билеты на второй вечерний сеанс. Сейчас почти только начался первый. Мы раздеваемся и проходим в фойе.

— Чис-то-та! — вырывается у Семки.

И он осматривает стены, потолок, люстры. Как будто смотрит на все такое впервые. Жданов алмашастся в витрины озерных картин, а Шура с Анютой

у зеркала хохорашиваются, как весною птицами. Тоже чистосердечно обрадовались сверкающей чистоте и теплоту, прекрасному уюту.

Освещенное до блеска фойе, напоминало пышную ирмарочную карусель. Па-

вально и красиво размахивал, как поэт, и переставал жесткулировать только тогда, когда тайно от нас заправлял под костюмом вывихнувшую сорочку. И в это время нужно было видеть его лицо, чтоб понять все огорчение, какое доставляло ему это занятие.

Но Семка хотелелось расшевелить серьезного Жданова.

— Брось ты, гучей хмуриться. Ведь не на собрание пришел, чего солидничаешь? Развлекайся.

— То и делаю, то и делаю, — растерянно повторял Жданов, смутившись своей серьезностью.

Анюта с Шурой попрежнему останавливались перед каждым зеркалом, и я со Ждановым вынуждены были терпеливо ждать, когда они кончат «свою беллетристику». И только фансонистый Семка в это забывательное для него время, немощно корчась, охорашивал свою сорочку, проклиная Московщину.

— Картины-то!.. Все советские, — говорит Жданов, кивая на рекламные фотографии по стенам фойе.

И сам чуть-чуть иронически смотрит на плавно ступающего Семку.

— Еще у нас любовь засни-мает плохо, — продолжает разго-вор Анюта. — Вот страдание куда лучше выходит!

— Да! — обрывает его Семка. — Картина всегда строится на любви и разных увлечениях. Кино для того и создано, чтобы дочиста любовь показывать и ощещать разнообразие жизни.

— Кино создано для того, чтобы показывать борьбу, труд и общественные достижения, — авторитетно, словно профессор, выпалил Жданов.

— Вот это неправда, — перебивает его Шура. — Про это мы и в газетах читаем. А кино для веселого отдыха, для удовольствия.

— Это живая школа! где бы я увидела французов, англичан, арабов, кроме кино! — говорит Анюта. — А я пойду и на все насмотрюся в кинематографе. Вот, например, «Богладский вор» — ах, какая красивая выдумка! Хотел и знаешь, что неправда, а все же очень красиво.

— Ну, уж наша про-то говорят! — резонит Семка. — В любой деревенской сказке больше фантазии, чем в «Богладском воре». Да и никакой классовой борьбы в нем не показано. А вот я хожу, все разные картины вижу. Ну, а лучше любви ничего не выдумал.

— Кто что ищет, то и находится!

Шура хохочет, и очит даже громко. Это, видно, не нравится густо зашту-

Он был доволен нашей затеей...

рами, тройками и больше ходила кругом разряженная публика, растворяя в воздухе пудру, одеколон, духи.

Мы взяли девушек под руки и тоже завертелись в общем кругу. Жданов смотрел на все каким-то взглядом издалека. Видно было, что голова его была такой же занитой, как и в ячейке за текучими неотложными делами. Зато Семка вел себя изумительно. Он шел нарочито плавно, немного сутулясь из желания быть более модным. Свободной рукой

Семка попросил у них пудры

катуригун парфюмерий и косметикою «град дам».

Но мы гуляем, не обращая на них внимания. Зашли в углок-читальню. Потрогали шахматы, полистаи газеты и журналы и опять закурились в людском покое. Шура откопала в углу фойе неимоверного великана. Он стоял, согнувшись в три погубели, и что-то выисал своей низкорослой спутнице.

— Нет, нет и нет! — капризно и властно выговаривала та, смотря, как на колокольню, на своего необыкновенного на кавалера. — Этому никогда не быть.

Семка поострил насчет их роста; мы посмеялись и не заметили, как протекло время. Даже как будто мы еще и не нагулялись в фойе.

Зрителя вывелили за один мах; вал проветрили и поправили стулья. Мы с удовольствием заняли свои места.

— Пожалуйста, берите, больше берите! — и Жданов неожиданно раскрыл перед девушками коробку леденцов.

Девушки смеялись уже glavе в свои платки. Жданов то-и-дело аставад, давая проход другим. Несмотря на полусвет, он и в зрительном зале сумел отыскать себе что-то в роде объявления, чтобы почитать.

Свет погашен. Экран открыт. Чуть шелестящий мотор пушче. Рояль невидимо играет в углу. На экране загорелись надписи.

Девушки, стихнув, смотрят внимательно. А Жданов застыл около меня в покойной позе и смотрит и отдалхает в одно и то же время.

— Мне не нравится лицо героя,— морщится Семка.

— И правда, — поддерживает его Анюта. — Почему он такой некрасивый, даже стариковатый на лицо.

— Вот героиня, так та интереснее, — дунит свой смех Шура. — И другие тоже на такую похожи.

Спрашивае мнение Жданова.

— Раю еще судить, — отвечает тот сквозь зубы.

Семка даже захохотал, когда на экране стали фигурировать свинья, телата, дворы. Но и он ополчился на Степана — героя картины.

— Когда же, наконец, станут нас, рабочих, заснимать в картины по-человечески. Что неряшливее человек, то и в кино. Что безобразнее образина, то и на экран.

А вот это, ребята, еще хуже, — вадут молвила Жданов. — Масовая — то сцена совсем не связана с действием.

Он говорил о кадрах массового гуляния и праздника, в которых тематическая нить заметно слаба.

Анюта сокрушалась:

— Ухлопают они его, мерзавцы! Продадут любовь ни за что!

— Ну, ничего! — успокаивала ее Семка. — К концу обязательно благополучие и счастье вышутся.

— Картина картиной, ничего себе.

— Я понимать как-то не успеваю. Одно другим захлестывается.

Вот американские дочиста понимают, —

замечает Шура. — А наши — все еще с затенением, не всегда понятно, что делается.

— Скоро разве научишься, — мудро обьяняет Семка. — Любовь она вско бывает. У одних быстрее и легче, у других, как улитка, ползет и все с незадачей. А кино-артист тут и должен думать: «какую же из них показать?»

— Знаю, и ты и дружку.

... мы были вынуждены ивать, когда они нончат «свою беллетристику».

— А если перепутаешь.

— Мне слова ирываются в надписях, — говорит Жданов. — И то, как пионеры в трубы трубят, — это сиешино и весело.

Семка соглашается с ним. Шура с Аниотой негодуют по адресу отрицательных героев и ужасаются от их гадких поступков. Они дисстерденно и без дистермерия жалели нарочито несчастную героиню, но заводом трудный путь любви раздрожал.

... раскрыл перед девушками полную коробку леденцов

— Это, братцы, не деревня, — взволнованно замечает Семка. — Тут только один непорядок и был.

— Не мсли зря, — осадил его Жданов. — И хорошие и плохие в одну картину не уместить!

Семка в гардеробе достал нашу одежду и зараз одевал Шуру с Аниотой. Они захотели еще раз спривить «свою беллетристику». Для этого снова мы вошли в фойе, и они там впоследствии посмотрелись в огромное зеркало.

— Даже жалко уходить — чистота какая! — невольно вырвалось у Семки.

— И Тепло: видно, хорошо толкат.

— А у нас на рабочей окраине кино на пожарный сарай похоже. Еще пожалуй хуже: грязь, холодище, темнота. Да и с картинами одна проволочка.

Пустак какую-нибудь шваль «третьим экраном» да равную всю: больше сидишь в потемках, чем на экран смотришь. То дента обобразалась, то дверями хлопает. Никакого порядка.

— Это еще что, подхватывает Семка Шура. — А вот в пятницу так вместо одной картины другую стали показывать. Деньги сорвать сорвали, а надули, черти, здорово.

— Ладно, не разоряйся, — перебивает ее Анюта и тут же предлагает: — пойдемте в рабочий клуб! Может еще успеем.

— А что там сегодня?

— Пииг-поиг или гимнастика.

Жданов вспоминает о каком-то неотложном деле и оставляет нас на полупутти.

— Пойдемте в другое кино, — предлагает Шура. — Посмотрим другую веселенькую картину.

— Вот еще выдумала!

— Право, домой еще рано.

— Не сишии куриц-то, — укоряет Семка. — Никто в один вечер заодно любовь и драму не смотрит.

Мы е пошши ни в клуб, ни в другое кино. Первая запрюслась домой Шура: — Не хочется настроение портить. В клубе, наверное, и сыро и гадже истерпимый. Лучше почитаю роман до сна.

Семка поддерживает ее и с горечью стал выразить свое недовольство клубом.

На другой день я зашел с Семкой в заводскую кокегарку. Без рубши и в кожаном фартуке он возился в колосниковых пещерах — красной, оттаивающей пламенем страшно шумящей топки.

— Не подходи — ошпарит! — закричал он на меня и бросил с грохотом раскаленную кокегарку на асфальтовый пол. Продув володерное стекло над котлом, Семка пустил инжкатора, которые стали накачивать в котел воду, понизившая, как маленькпе поросата в мешке.

— Вот видишь, каково здесь? — обвел глазами всю кокегарку Семка. — И ничего не подлаещь — такое мое занятие. Здесь ие до чистоты. А после работы, зная, отдохнуть по-хорошему хочется, как, например, вчера: забавно все провели вечер! Ну, да ничего: когда-нибудь и при нашем заводе таких порядков добьемся.

Сказав это, он загудел в басовитый заводской гудок, издававший об окончатии трудового дня.

ЗАДАЧИ И ИГРЫ

Под редакцией Л. Е. Рубинштейна

№ 38. АРИФМОГРАФ

1	2	1	3	1	4	5	6	7	8
9	10	11	12	1	13	1	8	1	5
14	15	6	16	6	5	10	11	8	1
17	1	4	10	11	8	10	15	6	18
19	6	6	19	13	8	1	20	7	10
21	10	15	22	7	10	15	19	9	6
5	10	23	19	9	19	5	14	20	16
24	21	5	10	8	1	4	6	5	19
23	10	15	8	1	8	5	6	25	10
5	19	11	26	10	11	15	5	14	19

В этом квадрате требуются цифры заменять буквами, проставлены на местах одинаковых чисел одинаковые буквы, так, чтобы в горизонтальных рядах фигуры можно было прочесть ряд названий произведений одного автора, а в одной из диагоналей первые буквы имени и отчества и полностью фамилия его.

№ 41. ГОЛОВОЛОМКА

Силуэт осла преобразить в букву.

№ 39. ГОЛОВОЛОМКА

Фигура составлена из 19 отрезков. Из них требуется составить шестизначную доску (в ромбике пунктиром отмечены отрезки).

№ 40. ЗАДАЧА

Два школьника подошли к колодезю. — Интересно было бы узнать, какой глубины колодезь? Жаль, что нет сантиметра, а бы измерил, — говорит друг. А другой: — А я измерю его глубину без всяких сантиметров. Угадай, как я измерю глубину колодезя? Н. Гостов (Москва).

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 2 и 3

№ 6. Задача (1 очко)

Два удара ножицами по диагонали и два крест-накрест. В результате фьюзионны буквы.

Решение: те же в Зина Кирилловна (Архангельск), В. Владислав (Москва), Вера Анжу (Томск), М. Малюновская (д. Скорода, Смоленск).

№ 7. Загадка (1 очко)

Рим-мир

Решение: те же и П. Наренчев (Тульская), К. Подартова (Курск), С. Молоков (Смоленск), М. Дечет и Р. Егоров (Одесса), В. Иванов (Орл. г.), В. А. Кисина (Татарск), Н. В. Попов (Н.-Татарск. окр.), В. Лазарев (Нахичевань).

№ 8. Арифмограф (1 очко)

И-р-о-с-л-а-в-о-к-и-й
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11

Решение: те же в Зина Кирилловна (Архангельск), В. Владислав (Москва), Вера Анжу (Томск), М. Малюновская (д. Скорода, Смоленск).

№ 9. Задача (1 очко)

И не-то наша жизнь есть борьба? Решения: те же, на заключительном последнем йе (№ 8)

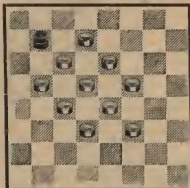
№ 13. Загадка (1 очко)

Лось

Решали: те же и В. А. Кисина (Татарск).

№ 14. Задача (2 очка)

1. Первоначальное положение шаек на доске:

Д.: б7.
Пр.: д7, с6, е6, б5, д5, ф5, е4, в4, ф3.

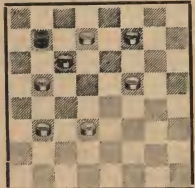
- 1 ход пр. д4: ф7
- 2 ход пр. ф3: д3
- д5: б3
- 3 ход д.: б7: е4
- е4: г6
- г6: е6

№ 15. Задача (2 очка)

Иный доминоц

Решали: В. Иванов (Орл. г.), М. Дечет и Р. Егоров (Одесса).

2. Положение шаек на доске после второго хода:

Д.: е6
с6: в4
а4: с2
е2: е4
Дамка начинает и ест две шахи. Таким образом при помощи трех ходов слато 10 шахов.
Решили: И. П. Васильев (Москва) и В. Лазарев (Нахичевань и.д.)

№ 42. ЗАДАЧА

Шура Хасьян (ст. Светонка)

	В				
Т	Г	С	Д	А	
М	У	С	У	И	
О	Ч	Е	Р	И	
О	Е	Е	А	Ц	
Е	М	С	Е	О	
Ш	В	И	И	З	
И	Т	И	Я	Ю	
О	О	Г	А	И	
А	Ц	И	И	И	
Р	И	А			

Хол коня.

№ 15. Загадка (1 очко)

Клуб, булка

Решили: В. Иванов (Орл. г.), В. А. Кисина (Татарск), В. Лазарев (Нахичевань и.д.)

№ 16. Буримы (2 очка)

Из приведенных стихотворений крайнее трудно было что-либо выбрать. Все они очень неудачны. Приводим только одно:

Тонарицу

При царь, в ней безтолковий.
В воду карты так поклади.
Что и теперь перодко слова
Лечат, посмотрели, короля.

В наш век иной игрою важной ты, мой приятель, уж изволь. Забыть являть хмель бумажный И слово гусуло-ворель. Ты, ведь, рабочий-сын заводов. И должен ты культурно жить, Пора с промисловей колодой Тебе об, изволь, по думать. С. Лузанов (ст. Сургутаво)

№ 17. Загадочная картинка (1 очко)

...Заян между петлями. Расунов перевернуть.

Решили: Г. Макаров, В. Иванов (Орл. г.), М. Дечет и Р. Егоров (Одесса), В. Лазарев (Нахичевань и.д.)

ШАШКИ

Под редакцией В. В. Меднова

Минус решения задач и этюдов

Задача № 3

В. И. ШУМИЛИН (ст. Выселки)
начальство тюрьмы

Волы начинают и закирват дамку и этропых черных.

Волы: Д.: д8, е7, ф6; пр.: с1.
Черные: Д.: а4; пр.: а5, а7, б2.

Этюд № 3

Ф. ДЮММЬЛЬ (Ташкент)
начальство тюрьмы

Волы начинают и этропых черных.

Волы: Д.: е7; пр.: а4, а6, ф6, б1.
Черные: Д.: ф1; пр.: б6, а6, б6.

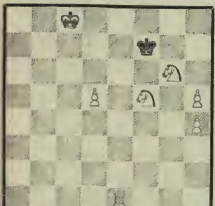
ШАХМАТЫ

Под редакцией С. М. Слонима

Задача № 13
В. Хвостов

Задача № 14
А. Санцкей

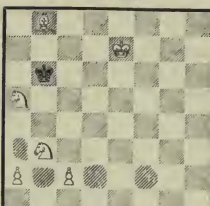
РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 2 и № 3
ЖУРНАЛА "СМЕНА".

Мат в 2 хода

Все задачи в этом номере приводятся лашм
с ответом

Фамилии гг., предоставивших правильное решение, будут выгнчаны.

Мат в 4 хода

ОРГАНИЗУЙТЕ ШАХМАТНЫЕ КРУЖКИ!

Шахматное общество, функционировавшее в дореволюционные годы, имело около 1000 организованных членов. Молодое советское шахматное движение, руководимое, с одной стороны, профсоюзом, с другой — советами физкультуры, уже сейчас, по грубому подсчету, насчитывает до 100.000 организованных в кружки шахматистов! И самое оградное в этом факте — это огромный процент молодежи, составляющей и большинство случаев актив шахматных кружков. Организация комсомола необходимо складать из этого явления свои ответственные выводы, взяв на себя руководство этим движением. Ему нужно дать правильное направление, и тогда шахматы действительно станут фактором новой культуры, но то быт!

Результаты в шахматы не значат еще играть в шахматы. Необходима постоянная работа

над повышением квалификации. Такая работа возможна только в шахматных кружках с определенной программой занятий, с турнирами, матчами, спортивной сторона которых является движущим элементом для повышения качества игры.

Необходимо исходу организационные в шахматные кружки. Мы обращаемся с призывом к нашим читателям — быть инициаторами в этом деле. Если на нашей фабрике, заводе, в нашем учреждении нет еще шахматного кружка, немедленно свяжитесь с шахматной организацией вашего союза, выясните об условиях об общем собрании шахматистов, организуйте для начала небольшие активы из интересующейся шахматными молодежи.

Редакция "Смены" будет оказывать вам всяческую помощь. Пишите в редакцию о всех своих нуждах, сомнениях, шлите запросы о технике организации кружков, турниров. На все вопросы получите письменные исчерпывающие ответы. Шлите хроника ваших кружков, партии членов вашего кружка, сочиненные вашими шахматистами задачи и этюды. Весь интересный материал будет печататься.

Шахматный отдел "Смены" продолжает и организует шахматных кружков молодежи. От самих читателей зависит сделать его действительно таковым.

Задача № 3. Задания. 1. Фил-1. Задание № 5. Д. Кабал. 1. К65—63 (левая часть диаграммы: 1. К65—67 (правая часть диаграммы). Решения в виде задач в приложении: Л. Ульман (Востром), Г. Сладки: Л. Ульман (Востром), Ш. Лазаре (Смоленск), С. Воронов (Смоленск), Л. Френкель (Ленинград), К. Кувакина (Ленинград), С. Трещинский (Смоленск).

Решение задачи № 4 в приложении: В. Свищев (Орен), В. Хвостов (Астрахань), М. Куралов (Москва), Л. Солонев (Яросл.), В. Рыбачков (Москва), С. Прокопенко (Омс), А. Баранова (Ульяновск).

Решение задачи № 4 в приложении: В. Задорожко (Харьков), Д. Скворцов (Орен), В. Маруцкий (Краснодар), В. Иванкин (Ульяновск), Леонтьев (Москва), К. Рыжов (Тверь). Решения в виде задач в приложении: В. Задорожко (Харьков), В. Швайнко (Лодиново), М. Лазарев (Москва), В. Жига (Краснодар), М. Лещинский (Помель).

РЕЗУЛЬТАТ КОНКУРСА РЕШЕНИЙ НА УПРАВНЕНИЕ № 1.

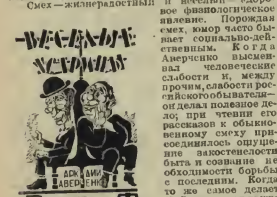
Наилучший анализ положений представили в этом номере Л. Давид Гарбар и Ю. Ульман (Ульяновск), который и представил объяснения правильного решения "Моя лучшая партия". Многие из решивших управление в более короткое количество ходов по сути, однако, все возможные варианты в ходе этого сложного и разнообразного решения т. Гаврилович.

В конкурсе еще участвовали (в порядке убывания очков): А. Кузнецов (Владивосток), Л. Гольдберг (Калуж.), В. Везман (Томск), Н. Шангин (северный фронт), Б. Лавинский (г. Ленинград), Г. Федоров (г. Ленинград), А. Киселев (Узгар), К. Крыжанский (Орен), Н. Абельин (Вел., Устинов), Г. Роговцов (Астрахань), А. Баранов (Калуж.), К. Крыжанский (Калуж.). Отдельные ответы, как правило, неверны, редакция и конкурсу не приняты.

Первоначальное положение: Белые: Кр44, С11, Кр4(3); Черные: Кр6(1). Задача здесь является отвлеченной черной королем в угол, чтобы слоник, где ему возможно дать мат. Побочку черной королем будет стремление занять поле, где слоник не может пойти, чтобы, где ему мат не удастся. В этом простом в виду, но чрезвычайно сложном в исполнении тактике, правильное решение черных, самый короткий мат возможен на данном положении на 21 ход. Главными участниками являются следующие варианты:

1. 1. Кр44—с6, Кр6—2, С11—Г5, Кр6—Г7, 2. Кр44—Кр6, 4. К65 Кр6 (на 4... Кр44—Г8, С11—Г7, 5. Кр6 Кр6, 6. К71 Кр6, 7. Кр6 Кр6, 8. С11 Кр6, 9. С17 Кр6, 10. С15 Кр6, 11. С17 Кр6, 12. К65 Кр6 (на 12... Кр44—14, К47 Кр6, 14. Кр6 Кр6, 15. Кр6 Кр6, 16. С15—14, К47 Кр6, 17. К65 Кр6, 18. С17 Кр6, 19. Кр6 Кр6, 20. С15—14, К47 Кр6, 21. К65 Кр6, 22. Кр6 Кр6, 23. Кр6 Кр6, 24. К44—Кр6, 25. С15—14, К47 Кр6, 26. С17 Кр6, 27. К65—14, К47 Кр6, 28. С15—14, К47 Кр6, 29. Кр6 Кр6, 30. С17 Кр6, 31. Кр6 Кр6, 32. Кр6 Кр6, 33. Кр6 Кр6, 34. С17 Кр6, 35. С15—14, К47 Кр6, 36. Кр6 Кр6, 37. С17—14, К47 Кр6, 38. К65—14, К47 Кр6, 39. Кр6 Кр6, 40. С17 Кр6, 41. Кр6 Кр6, 42. Кр6 Кр6, 43. С17 Кр6, 44. С15—14, К47 Кр6, 45. Кр6 Кр6, 46. С17 Кр6, 47. Кр6 Кр6, 48. Кр6 Кр6, 49. Кр6 Кр6, 50. С17 Кр6, 51. С15—14, К47 Кр6, 52. Кр6 Кр6, 53. Кр6 Кр6, 54. С17 Кр6, 55. С15—14, К47 Кр6, 56. Кр6 Кр6, 57. С17—14, К47 Кр6, 58. К65—14, К47 Кр6, 59. Кр6 Кр6, 60. С17 Кр6, 61. Кр6 Кр6, 62. Кр6 Кр6, 63. С17 Кр6, 64. С15—14, К47 Кр6, 65. Кр6 Кр6, 66. С17 Кр6, 67. Кр6 Кр6, 68. Кр6 Кр6, 69. Кр6 Кр6, 70. С17 Кр6, 71. Кр6 Кр6, 72. Кр6 Кр6, 73. С17 Кр6, 74. С15—14, К47 Кр6, 75. Кр6 Кр6, 76. С17 Кр6, 77. Кр6 Кр6, 78. Кр6 Кр6, 79. Кр6 Кр6, 80. С17 Кр6, 81. Кр6 Кр6, 82. Кр6 Кр6, 83. С17 Кр6, 84. С15—14, К47 Кр6, 85. Кр6 Кр6, 86. С17 Кр6, 87. Кр6 Кр6, 88. Кр6 Кр6, 89. Кр6 Кр6, 90. С17 Кр6, 91. Кр6 Кр6, 92. Кр6 Кр6, 93. С17 Кр6, 94. С15—14, К47 Кр6, 95. Кр6 Кр6, 96. С17 Кр6, 97. Кр6 Кр6, 98. Кр6 Кр6, 99. Кр6 Кр6, 100. С17 Кр6, 101. Кр6 Кр6, 102. Кр6 Кр6, 103. С17 Кр6, 104. С15—14, К47 Кр6, 105. Кр6 Кр6, 106. С17 Кр6, 107. Кр6 Кр6, 108. Кр6 Кр6, 109. Кр6 Кр6, 110. С17 Кр6, 111. Кр6 Кр6, 112. Кр6 Кр6, 113. С17 Кр6, 114. С15—14, К47 Кр6, 115. Кр6 Кр6, 116. С17 Кр6, 117. Кр6 Кр6, 118. Кр6 Кр6, 119. Кр6 Кр6, 120. С17 Кр6, 121. Кр6 Кр6, 122. Кр6 Кр6, 123. С17 Кр6, 124. С15—14, К47 Кр6, 125. Кр6 Кр6, 126. С17 Кр6, 127. Кр6 Кр6, 128. Кр6 Кр6, 129. Кр6 Кр6, 130. С17 Кр6, 131. Кр6 Кр6, 132. Кр6 Кр6, 133. С17 Кр6, 134. С15—14, К47 Кр6, 135. Кр6 Кр6, 136. С17 Кр6, 137. Кр6 Кр6, 138. Кр6 Кр6, 139. Кр6 Кр6, 140. С17 Кр6, 141. Кр6 Кр6, 142. Кр6 Кр6, 143. С17 Кр6, 144. С15—14, К47 Кр6, 145. Кр6 Кр6, 146. С17 Кр6, 147. Кр6 Кр6, 148. Кр6 Кр6, 149. Кр6 Кр6, 150. С17 Кр6, 151. Кр6 Кр6, 152. Кр6 Кр6, 153. С17 Кр6, 154. С15—14, К47 Кр6, 155. Кр6 Кр6, 156. С17 Кр6, 157. Кр6 Кр6, 158. Кр6 Кр6, 159. Кр6 Кр6, 160. С17 Кр6, 161. Кр6 Кр6, 162. Кр6 Кр6, 163. С17 Кр6, 164. С15—14, К47 Кр6, 165. Кр6 Кр6, 166. С17 Кр6, 167. Кр6 Кр6, 168. Кр6 Кр6, 169. Кр6 Кр6, 170. С17 Кр6, 171. Кр6 Кр6, 172. Кр6 Кр6, 173. С17 Кр6, 174. С15—14, К47 Кр6, 175. Кр6 Кр6, 176. С17 Кр6, 177. Кр6 Кр6, 178. Кр6 Кр6, 179. Кр6 Кр6, 180. С17 Кр6, 181. Кр6 Кр6, 182. Кр6 Кр6, 183. С17 Кр6, 184. С15—14, К47 Кр6, 185. Кр6 Кр6, 186. С17 Кр6, 187. Кр6 Кр6, 188. Кр6 Кр6, 189. Кр6 Кр6, 190. С17 Кр6, 191. Кр6 Кр6, 192. Кр6 Кр6, 193. С17 Кр6, 194. С15—14, К47 Кр6, 195. Кр6 Кр6, 196. С17 Кр6, 197. Кр6 Кр6, 198. Кр6 Кр6, 199. Кр6 Кр6, 200. С17 Кр6, 201. Кр6 Кр6, 202. Кр6 Кр6, 203. С17 Кр6, 204. С15—14, К47 Кр6, 205. Кр6 Кр6, 206. С17 Кр6, 207. Кр6 Кр6, 208. Кр6 Кр6, 209. Кр6 Кр6, 210. С17 Кр6, 211. Кр6 Кр6, 212. Кр6 Кр6, 213. С17 Кр6, 214. С15—14, К47 Кр6, 215. Кр6 Кр6, 216. С17 Кр6, 217. Кр6 Кр6, 218. Кр6 Кр6, 219. Кр6 Кр6, 220. С17 Кр6, 221. Кр6 Кр6, 222. Кр6 Кр6, 223. С17 Кр6, 224. С15—14, К47 Кр6, 225. Кр6 Кр6, 226. С17 Кр6, 227. Кр6 Кр6, 228. Кр6 Кр6, 229. Кр6 Кр6, 230. С17 Кр6, 231. Кр6 Кр6, 232. Кр6 Кр6, 233. С17 Кр6, 234. С15—14, К47 Кр6, 235. Кр6 Кр6, 236. С17 Кр6, 237. Кр6 Кр6, 238. Кр6 Кр6, 239. Кр6 Кр6, 240. С17 Кр6, 241. Кр6 Кр6, 242. Кр6 Кр6, 243. С17 Кр6, 244. С15—14, К47 Кр6, 245. Кр6 Кр6, 246. С17 Кр6, 247. Кр6 Кр6, 248. Кр6 Кр6, 249. Кр6 Кр6, 250. С17 Кр6, 251. Кр6 Кр6, 252. Кр6 Кр6, 253. С17 Кр6, 254. С15—14, К47 Кр6, 255. Кр6 Кр6, 256. С17 Кр6, 257. Кр6 Кр6, 258. Кр6 Кр6, 259. Кр6 Кр6, 260. С17 Кр6, 261. Кр6 Кр6, 262. Кр6 Кр6, 263. С17 Кр6, 264. С15—14, К47 Кр6, 265. Кр6 Кр6, 266. С17 Кр6, 267. Кр6 Кр6, 268. Кр6 Кр6, 269. Кр6 Кр6, 270. С17 Кр6, 271. Кр6 Кр6, 272. Кр6 Кр6, 273. С17 Кр6, 274. С15—14, К47 Кр6, 275. Кр6 Кр6, 276. С17 Кр6, 277. Кр6 Кр6, 278. Кр6 Кр6, 279. Кр6 Кр6, 280. С17 Кр6, 281. Кр6 Кр6, 282. Кр6 Кр6, 283. С17 Кр6, 284. С15—14, К47 Кр6, 285. Кр6 Кр6, 286. С17 Кр6, 287. Кр6 Кр6, 288. Кр6 Кр6, 289. Кр6 Кр6, 290. С17 Кр6, 291. Кр6 Кр6, 292. Кр6 Кр6, 293. С17 Кр6, 294. С15—14, К47 Кр6, 295. Кр6 Кр6, 296. С17 Кр6, 297. Кр6 Кр6, 298. Кр6 Кр6, 299. Кр6 Кр6, 300. С17 Кр6, 301. Кр6 Кр6, 302. Кр6 Кр6, 303. С17 Кр6, 304. С15—14, К47 Кр6, 305. Кр6 Кр6, 306. С17 Кр6, 307. Кр6 Кр6, 308. Кр6 Кр6, 309. Кр6 Кр6, 310. С17 Кр6, 311. Кр6 Кр6, 312. Кр6 Кр6, 313. С17 Кр6, 314. С15—14, К47 Кр6, 315. Кр6 Кр6, 316. С17 Кр6, 317. Кр6 Кр6, 318. Кр6 Кр6, 319. Кр6 Кр6, 320. С17 Кр6, 321. Кр6 Кр6, 322. Кр6 Кр6, 323. С17 Кр6, 324. С15—14, К47 Кр6, 325. Кр6 Кр6, 326. С17 Кр6, 327. Кр6 Кр6, 328. Кр6 Кр6, 329. Кр6 Кр6, 330. С17 Кр6, 331. Кр6 Кр6, 332. Кр6 Кр6, 333. С17 Кр6, 334. С15—14, К47 Кр6, 335. Кр6 Кр6, 336. С17 Кр6, 337. Кр6 Кр6, 338. Кр6 Кр6, 339. Кр6 Кр6, 340. С17 Кр6, 341. Кр6 Кр6, 342. Кр6 Кр6, 343. С17 Кр6, 344. С15—14, К47 Кр6, 345. Кр6 Кр6, 346. С17 Кр6, 347. Кр6 Кр6, 348. Кр6 Кр6, 349. Кр6 Кр6, 350. С17 Кр6, 351. Кр6 Кр6, 352. Кр6 Кр6, 353. С17 Кр6, 354. С15—14, К47 Кр6, 355. Кр6 Кр6, 356. С17 Кр6, 357. Кр6 Кр6, 358. Кр6 Кр6, 359. Кр6 Кр6, 360. С17 Кр6, 361. Кр6 Кр6, 362. Кр6 Кр6, 363. С17 Кр6, 364. С15—14, К47 Кр6, 365. Кр6 Кр6, 366. С17 Кр6, 367. Кр6 Кр6, 368. Кр6 Кр6, 369. Кр6 Кр6, 370. С17 Кр6, 371. Кр6 Кр6, 372. Кр6 Кр6, 373. С17 Кр6, 374. С15—14, К47 Кр6, 375. Кр6 Кр6, 376. С17 Кр6, 377. Кр6 Кр6, 378. Кр6 Кр6, 379. Кр6 Кр6, 380. С17 Кр6, 381. Кр6 Кр6, 382. Кр6 Кр6, 383. С17 Кр6, 384. С15—14, К47 Кр6, 385. Кр6 Кр6, 386. С17 Кр6, 387. Кр6 Кр6, 388. Кр6 Кр6, 389. Кр6 Кр6, 390. С17 Кр6, 391. Кр6 Кр6, 392. Кр6 Кр6, 393. С17 Кр6, 394. С15—14, К47 Кр6, 395. Кр6 Кр6, 396. С17 Кр6, 397. Кр6 Кр6, 398. Кр6 Кр6, 399. Кр6 Кр6, 400. С17 Кр6, 401. Кр6 Кр6, 402. Кр6 Кр6, 403. С17 Кр6, 404. С15—14, К47 Кр6, 405. Кр6 Кр6, 406. С17 Кр6, 407. Кр6 Кр6, 408. Кр6 Кр6, 409. Кр6 Кр6, 410. С17 Кр6, 411. Кр6 Кр6, 412. Кр6 Кр6, 413. С17 Кр6, 414. С15—14, К47 Кр6, 415. Кр6 Кр6, 416. С17 Кр6, 417. Кр6 Кр6, 418. Кр6 Кр6, 419. Кр6 Кр6, 420. С17 Кр6, 421. Кр6 Кр6, 422. Кр6 Кр6, 423. С17 Кр6, 424. С15—14, К47 Кр6, 425. Кр6 Кр6, 426. С17 Кр6, 427. Кр6 Кр6, 428. Кр6 Кр6, 429. Кр6 Кр6, 430. С17 Кр6, 431. Кр6 Кр6, 432. Кр6 Кр6, 433. С17 Кр6, 434. С15—14, К47 Кр6, 435. Кр6 Кр6, 436. С17 Кр6, 437. Кр6 Кр6, 438. Кр6 Кр6, 439. Кр6 Кр6, 440. С17 Кр6, 441. Кр6 Кр6, 442. Кр6 Кр6, 443. С17 Кр6, 444. С15—14, К47 Кр6, 445. Кр6 Кр6, 446. С17 Кр6, 447. Кр6 Кр6, 448. Кр6 Кр6, 449. Кр6 Кр6, 450. С17 Кр6, 451. Кр6 Кр6, 452. Кр6 Кр6, 453. С17 Кр6, 454. С15—14, К47 Кр6, 455. Кр6 Кр6, 456. С17 Кр6, 457. Кр6 Кр6, 458. Кр6 Кр6, 459. Кр6 Кр6, 460. С17 Кр6, 461. Кр6 Кр6, 462. Кр6 Кр6, 463. С17 Кр6, 464. С15—14, К47 Кр6, 465. Кр6 Кр6, 466. С17 Кр6, 467. Кр6 Кр6, 468. Кр6 Кр6, 469. Кр6 Кр6, 470. С17 Кр6, 471. Кр6 Кр6, 472. Кр6 Кр6, 473. С17 Кр6, 474. С15—14, К47 Кр6, 475. Кр6 Кр6, 476. С17 Кр6, 477. Кр6 Кр6, 478. Кр6 Кр6, 479. Кр6 Кр6, 480. С17 Кр6, 481. Кр6 Кр6, 482. Кр6 Кр6, 483. С17 Кр6, 484. С15—14, К47 Кр6, 485. Кр6 Кр6, 486. С17 Кр6, 487. Кр6 Кр6, 488. Кр6 Кр6, 489. Кр6 Кр6, 490. С17 Кр6, 491. Кр6 Кр6, 492. Кр6 Кр6, 493. С17 Кр6, 494. С15—14, К47 Кр6, 495. Кр6 Кр6, 496. С17 Кр6, 497. Кр6 Кр6, 498. Кр6 Кр6, 499. Кр6 Кр6, 500. С17 Кр6, 501. Кр6 Кр6, 502. Кр6 Кр6, 503. С17 Кр6, 504. С15—14, К47 Кр6, 505. Кр6 Кр6, 506. С17 Кр6, 507. Кр6 Кр6, 508. Кр6 Кр6, 509. Кр6 Кр6, 510. С17 Кр6, 511. Кр6 Кр6, 512. Кр6 Кр6, 513. С17 Кр6, 514. С15—14, К47 Кр6, 515. Кр6 Кр6, 516. С17 Кр6, 517. Кр6 Кр6, 518. Кр6 Кр6, 519. Кр6 Кр6, 520. С17 Кр6, 521. Кр6 Кр6, 522. Кр6 Кр6, 523. С17 Кр6, 524. С15—14, К47 Кр6, 525. Кр6 Кр6, 526. С17 Кр6, 527. Кр6 Кр6, 528. Кр6 Кр6, 529. Кр6 Кр6, 530. С17 Кр6, 531. Кр6 Кр6, 532. Кр6 Кр6, 533. С17 Кр6, 534. С15—14, К47 Кр6, 535. Кр6 Кр6, 536. С17 Кр6, 537. Кр6 Кр6, 538. Кр6 Кр6, 539. Кр6 Кр6, 540. С17 Кр6, 541. Кр6 Кр6, 542. Кр6 Кр6, 543. С17 Кр6, 544. С15—14, К47 Кр6, 545. Кр6 Кр6, 546. С17 Кр6, 547. Кр6 Кр6, 548. Кр6 Кр6, 549. Кр6 Кр6, 550. С17 Кр6, 551. Кр6 Кр6, 552. Кр6 Кр6, 553. С17 Кр6, 554. С15—14, К47 Кр6, 555. Кр6 Кр6, 556. С17 Кр6, 557. Кр6 Кр6, 558. Кр6 Кр6, 559. Кр6 Кр6, 560. С17 Кр6, 561. Кр6 Кр6, 562. Кр6 Кр6, 563. С17 Кр6, 564. С15—14, К47 Кр6, 565. Кр6 Кр6, 566. С17 Кр6, 567. Кр6 Кр6, 568. Кр6 Кр6, 569. Кр6 Кр6, 570. С17 Кр6, 571. Кр6 Кр6, 572. Кр6 Кр6, 573. С17 Кр6, 574. С15—14, К47 Кр6, 575. Кр6 Кр6, 576. С17 Кр6, 577. Кр6 Кр6, 578. Кр6 Кр6, 579. Кр6 Кр6, 580. С17 Кр6, 581. Кр6 Кр6, 582. Кр6 Кр6, 583. С17 Кр6, 584. С15—14, К47 Кр6, 585. Кр6 Кр6, 586. С17 Кр6, 587. Кр6 Кр6, 588. Кр6 Кр6, 589. Кр6 Кр6, 590. С17 Кр6, 591. Кр6 Кр6, 592. Кр6 Кр6, 593. С17 Кр6, 594. С15—14, К47 Кр6, 595. Кр6 Кр6, 596. С17 Кр6, 597. Кр6 Кр6, 598. Кр6 Кр6, 599. Кр6 Кр6, 600. С17 Кр6, 601. Кр6 Кр6, 602. Кр6 Кр6, 603. С17 Кр6, 604. С15—14, К47 Кр6, 605. Кр6 Кр6, 606. С17 Кр6, 607. Кр6 Кр6, 608. Кр6 Кр6, 609. Кр6 Кр6, 610. С17 Кр6, 611. Кр6 Кр6, 612. Кр6 Кр6, 613. С17 Кр6, 614. С15—14, К47 Кр6, 615. Кр6 Кр6, 616. С17 Кр6, 617. Кр6 Кр6, 618. Кр6 Кр6, 619. Кр6 Кр6, 620. С17 Кр6, 621. Кр6 Кр6, 622. Кр6 Кр6, 623. С17 Кр6, 624. С15—14, К47 Кр6, 625. Кр6 Кр6, 626. С17 Кр6, 627. Кр6 Кр6, 628. Кр6 Кр6, 629. Кр6 Кр6, 630. С17 Кр6, 631. Кр6 Кр6, 632. Кр6 Кр6, 633. С17 Кр6, 634. С15—14, К47 Кр6, 635. Кр6 Кр6, 636. С17 Кр6, 637. Кр6 Кр6, 638. Кр6 Кр6, 639. Кр6 Кр6, 640. С17 Кр6, 641. Кр6 Кр6, 642. Кр6 Кр6, 643. С17 Кр6, 644. С15—14, К47 Кр6, 645. Кр6 Кр6, 646. С17 Кр6, 647. Кр6 Кр6, 648. Кр6 Кр6, 649. Кр6 Кр6, 650. С17 Кр6, 651. Кр6 Кр6, 652. Кр6 Кр6, 653. С17 Кр6, 654. С15—14, К47 Кр6, 655. Кр6 Кр6, 656. С17 Кр6, 657. Кр6 Кр6, 658. Кр6 Кр6, 659. Кр6 Кр6, 660. С17 Кр6, 661. Кр6 Кр6, 662. Кр6 Кр6, 663. С17 Кр6, 664. С15—14, К47 Кр6, 665. Кр6 Кр6, 666. С17 Кр6, 667. Кр6 Кр6, 668. Кр6 Кр6, 669. Кр6 Кр6, 670. С17 Кр6, 671. Кр6 Кр6, 672. Кр6 Кр6, 673. С17 Кр6, 674. С15—14, К47 Кр6, 675. Кр6 Кр6, 676. С17 Кр6, 677. Кр6 Кр6, 678. Кр6 Кр6, 679. Кр6 Кр6, 680. С17 Кр6, 681. Кр6 Кр6, 682. Кр6 Кр6, 683. С17 Кр6, 684. С15—14, К47 Кр6, 685. Кр6 Кр6, 686. С17 Кр6, 687. Кр6 Кр6, 688. Кр6 Кр6, 689. Кр6 Кр6, 690. С17 Кр6, 691. Кр6 Кр6, 692. Кр6 Кр6, 693. С17 Кр6, 694. С15—14, К47 Кр6, 695. Кр6 Кр6, 696. С17 Кр6, 697. Кр6 Кр6, 698. Кр6 Кр6, 699. Кр6 Кр6, 700. С17 Кр6, 701. Кр6 Кр6, 702. Кр6 Кр6, 703. С17 Кр6, 704. С15—14, К47 Кр6, 705. Кр6 Кр6, 706. С17 Кр6, 707. Кр6 Кр6, 708. Кр6 Кр6, 709. Кр6 Кр6, 710. С17 Кр6, 711. Кр6 Кр6, 712. Кр6 Кр6, 713. С17 Кр6, 714. С15—14, К47 Кр6, 715. Кр6 Кр6, 716. С17 Кр6, 717. Кр6 Кр6, 718. Кр6 Кр6, 719. Кр6 Кр6, 720. С17 Кр6, 721. Кр6 Кр6, 722. Кр6 Кр6, 723. С17 Кр6, 724. С15—14, К47 Кр6, 725. Кр6 Кр6, 726. С17 Кр6, 727. Кр6 Кр6, 728. Кр6 Кр6, 729. Кр6 Кр6, 730. С17 Кр6, 731. Кр6 Кр6, 732. Кр6 Кр6, 733. С17 Кр6, 734. С15—14, К47 Кр6, 735. Кр6 Кр6, 736. С17 Кр6, 737. Кр6 Кр6, 738. Кр6 Кр6, 739. Кр6 Кр6, 740. С17 Кр6, 741. Кр6 Кр6, 742. Кр6 Кр6, 743. С17 Кр6, 744. С15—14, К47 Кр6, 745. Кр6 Кр6, 746. С17 Кр6, 747. Кр6 Кр6, 748. Кр6 Кр6, 749. Кр6 Кр6, 750. С17 Кр6, 751. Кр6 Кр6, 752. Кр6 Кр6, 753. С17 Кр6, 754. С15—14, К47 Кр6, 755. Кр6 Кр6, 756. С17 Кр6, 757. Кр6 Кр6, 758. Кр6 Кр6, 759. Кр6 Кр6, 760. С17 Кр6, 761. Кр6 Кр6, 762. Кр6 Кр6, 763. С17 Кр6, 764. С15—14, К47 Кр6, 765. Кр6 Кр6, 766. С17 Кр6, 767. Кр6 Кр6, 768. Кр6 Кр6, 769. Кр6 Кр6, 770. С17 Кр6, 771. Кр6 Кр6, 772. Кр6 Кр6, 773. С17 Кр6, 7

БИБЛИОТЕКА САТНИР И ЮМОРА
АВЕРЧЕНКО — Веселые устремления. Предисловие А. Старкова. 310 стр. М.—Л. 1928. Стр. 421. Ц. 2 р. **ВАЛЕНТИН КАТАЕВ** — Начальник обороны. Юмор. 310 стр. М.—Л. 1928. Стр. 215. Ц. 1 р. 55 к. **АРОСЛАВ ХАШЕК** — Честная совесть. Юмористические рассказы. Предисловие С. Бачинского. 310 стр. М.—Л. 1928. Стр. 200. Ц. 1 р. 30 к.

Смех — жизнь радостная и несейная — порождает и порождает и порождает явление. Порождает смех, юмор часто бывает неожиданным. Когда Аверченко высмеивает человеческие слабости и, между прочим, слабости порождения, он делает полезное дело; при чтении его рассказов об обыкновенном смеху предисловие опущено, и сознание не обременяет борьбу с последним. Словом и делом П. Романов, он также высмеивает и читателя и читательницу. Смех и юмор Романа — не весел, ибо автор тщательно (но тщательно) скрывает свое лицо: читателю неизбежно придется выгадать, что смеется и над кем. Читатель, разумеется, справится за ширму и смеется посмеиваясь.

Что рассказывал Аверченко — да, того самого, впоследствии вымирает — были актуальными произведениями, становится особенно теперь, когда перед нами выстраиваются рассказы и рассказы этого писателя. Они охватывают многие стороны бытия и несут в себе много мудрости, наблюдательности. Они охватывают многие стороны бытия и несут в себе много мудрости, наблюдательности. Они охватывают многие стороны бытия и несут в себе много мудрости, наблюдательности.

«Дель господин Швабровский» — это история о том, как Аверченко показывает больше всего современности. Его юмор направлен против тех, которые живут в свое удовольствие, не задумываясь о будущем. В этот же период, когда Аверченко показывает больше всего современности. Его юмор направлен против тех, которые живут в свое удовольствие, не задумываясь о будущем.

ПТИЧКИ БОЖЬИ
 В Катаяв высмеиваются недостатки и недостатки современного человека. В Катаяв высмеиваются недостатки и недостатки современного человека.

Юмористический юмор — это юмор, который высмеивает недостатки и недостатки современного человека. Юмористический юмор — это юмор, который высмеивает недостатки и недостатки современного человека.

коммюнальности («счастливая семья»), об учительстве («Фурляк») и т. д.

И начал говорить о смехе, юморе и юморе. И начал говорить о смехе, юморе и юморе. И начал говорить о смехе, юморе и юморе.

СТРАНД. ВЕЛЛЕ ЭДВАРД. — Полярные люди. Роман. Авторизованный перевод с Норвежского М. Подольского-Крисевича. 310 стр. М.—Л. 1928. Стр. 418. Ц. 1 р. 40 к.

«Полярные люди» отмечены сильным влиянием Кнута Гамсуна. В романе описаны приключения полярных исследователей в Арктике.

Роман Странда можно считать неудачным. Он страдает многообразием, скупостью деталей и отсутствием четкой сюжетной основы. Изображая сложную природу полярного Севера, автор не избегает убожества, замкнутости образа, описывая массовый рыболовный промысел в Ледовитом океане, он подкупает читателя своей искренностью, как сразу обнаруживается в рассказе, как сразу обнаруживается в рассказе.

А. КУЗЬМИНОВ. — Катерина земля. Повесть в 4-х частях. (Библиотека молодежи). ГИЗ. 1928.

В этой повести Коженикова — автора многогранных повестей — для юности — изображены жизнь закавказских крестьян в момент напряженной борьбы крестьян с помещиками. Перехит читателю рисует деревня эпохи революции, в которой идет борьба с помещиками.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ «СМЕЛЫЙ»
 № 8 Апрель 1928 года
СОДЕРЖАНИЕ: В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ — Путь Максима Горького. МИХ. ГОЛОДНОГО — Эпиграма на двух (стихотворение). Р. РАПЕР — Ожог (рассказ). ИВ. ДОРНИН — О девушке Дуне и о любви (опыт одной женщины). И. СЕВЕРЖК — Самойлович. ИАЛЯ АИН — Война и мир (опыт одной женщины). Г. БЕРГМАН — Люди в тюрьме (опыт одной женщины). ФЕДОР МАЛОВ — В «хорошую» киношку (очерк). ПЕРВЫЙ ОТЧЕТ ЧИТАТЕЛЕМ. КНИЖНАЯ ПОЛКА. ЗАДАЧИ И ИГРЫ. ШАХМАТЫ. ШАШКИ.

долго колебавшимся и уже после утверждения в советях; в иллюстрированной фигуре Юлдушима, в советях; в иллюстрированной фигуре Юлдушима, в советях; в иллюстрированной фигуре Юлдушима.

Чисто социальную тему Кожеников различает в улекательной форме. Чисто социальную тему Кожеников различает в улекательной форме. Чисто социальную тему Кожеников различает в улекательной форме.

ТАНО ДОМИНИК. — Дюна Воржана. Переводка от немецкого М. А. Гершвица. ГИЗ. 1928. Стр. 274. Ц. 1 р. 26 к.

Мальский талант, в дождь и стужу аристократический, в дождь и стужу аристократический, в дождь и стужу аристократический.

Такое восхождение «вверх» по лестнице, такое восхождение «вверх» по лестнице, такое восхождение «вверх» по лестнице.

ТАНО ДОМИНИК
ДЮНА ВОРЖАНА

Герой, реальный поэт и писатель, герой, реальный поэт и писатель, герой, реальный поэт и писатель.

Итак, дворянство добродетель, дворянство добродетель, дворянство добродетель.

А. Д.—ская